

попаданец

ПОПЯТЫНГ

Игер Кау

ПЕСОК И ПЕПЕЛ

Аларийский цикл

Игер Кау

Песок и пепел

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кау И.

Песок и пепел / И. Кау — «Издательство АСТ»,
2019 — (Аларийский цикл)

ISBN 978-5-17-115989-4

Ты проснулся на берегу лесного озера в безлюдных предгорьях, без крыши над головой, а песок, на котором ты лежишь, больше похож на пепел. Хорошо бы знать, как тебя зовут, как сюда попал и чего ради. Но первый шаг почти сразу дает попутчиков, а заодно и их проблемы, ставящие на грань выживания. Но у тебя просыпается магия, есть руки, способные держать оружие. Путь предстоит не близкий. Главное, чтобы не оборвался внезапно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115989-4

© Кау И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1. Не строго, но все же на юг	6
Часть 2. Разворот и направо	27
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Игер Кау

Песок и пепел

© Игер Кау, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Часть 1. Не строго, но все же на юг

Все дороги где-то начинаются.

И где-то заканчиваются.

И самое интересное обычно где-то посередине...

Тепло. Едва ощутимое прикосновение легкого ветерка. Запах травы и хвои. Негромкое стрекотание насекомых. Нет ощущения опасности. Ничего не болит. Вот бы так всегда просыпаться. Бывает же... Нет, так не бывает. Или бывает? В чем подвох?

Шевельнув пальцами, ощущаю вместо ожидаемой простыни... песок. Где я?! Открываю глаза, все поле зрения заполняет затянутое облаками небо. Солнце прячется за тучами, но дождя явно не ожидается. Опускаю взгляд, одновременно пытаясь сесть, и... вижу озеро. Большое — деревья на противоположном берегу кажутся невысоким кустарником, дальний край по правую руку и вовсе едва различим, да и по левую не близок, хотя виден лучше. Вокруг лес сплошной темной стеной. Только в одном месте на той стороне в этой стене виднеется прогал, открывающий вид на пологий подъем, за гребнем которого просматривается долина, где-то совсем уж вдалеке упирающаяся в какие-то горы. И сижу я действительно на песке. Странно, несмотря на близость к воде — не больше трех десятков шагов — песок сухой. Совершенно сухой, мелкий, липнет к пальцам, но тут же легко стряхивается. Да и проснулся я не от холода. Станный, к слову, песок. Цветом больше похожий на пепел.

Так... Одежда и обувь на мне как раз для ходьбы по таким лесам. Долгой ходьбы. Хорошо. Но что это за лес? То есть, где это я и что здесь делаю?

И тут меня словно подбрасывает — а зовут-то меня как? Кто я такой? Нет ответа. Я не помню, кто я!

Руки сами принимаются обшаривать карманы. Но в них нет ничего необычного, а главное — ничего, что могло бы прояснить первостепенный для меня вопрос. Ладно, а что есть?

Россыпь монет в карманах, чтобы не вытаскивать перед каждым кошелек... И сам кошелек, кожаный, набитый монетами настолько туго, что они даже не пытаются звенеть. Откуда-то всплывает, что для одинокого путника это вполне приличная сумма. Хватит, чтобы месяц-другой ночевать и хотя бы ужинать в придорожных гостиницах — по крайней мере, в той стране, в которой эти монеты в ходу и чей герб украшает их слегка потертые аверсы. Хотя пока не факт, что я нахожусь на ее территории.

Что еще? Складной нож довольно хитрой конструкции, вмещающей несколько лезвий разной длины и формы, двузубую вилку и штопор. Примитивное, но вполне надежное приспособление для добывания огня. Записная книжка, в потертой кожаной обложке, внутри которой рядом с блоком листов закреплен в удобных петлях остро заточенный карандаш. Страницы чистые и гладкие, на них явно никто ничего не писал. Карандашом тоже не пользовались. После затачивания, во всяком случае.

Разобравшись с карманами, заглядываю в мешок, заменявший мне подушку перед самым пробуждением. Еще один нож, но совсем другой, большой и массивный, хорошо сбалансированный, с удобной рукояткой, широким лезвием длиной в пятнадцать пальцев, в кожаных ножнах — мечта воина и охотника, а не кулинара. Две одинаковые фляжки — в одной чистый спирт, явно предназначенный не для употребления внутрь, в другой тоже не вода, а весьма качественный коньяк. Весь остальной объем мешка заполняют свертки и пакеты. В них разные нужные мелочи, лекарства, смена белья, несколько теплых вещей, даже кожаный плащ — тонкий, легкий, но очень прочный и в сложенном виде занимающий очень мало места. Нашлась и еда. Три одинаковых свертка. В том, который я распечатал, нашлись сухари, сушеные фрукты,

орехи, завернутые в бумагу четыре куса прессованного сахара, а еще крепко запечатанный керамический цилиндр. Наверное, с чем-то готовым.

Все самое необходимое. По крайней мере, то, что можно унести.

И ни одна вещь не несет на себе клейма или хоть какой-нибудь надписи. Документов тоже никаких.

Увесистый кожаный футляр на самом дне мешка озадачивает меня еще больше. Внутри него снова монеты, но исключительно золотые и серебряные, причем уложенные в два слоя аккуратно завернутыми в пергамент столбиками. И они явно предназначались не на дорожные расходы — их вполне хватит на приличный дом на окраине крупного города и несколько лет не слишком бурной жизни. В нижнем слое прячется похожий на эти столбики мешочек, сшитый из странного материала черного цвета. Внутри него тоже монеты — но совершенно не похожие на обнаруженные прежде. И друг от друга они отличаются еще больше — двух одинаковых в мешочке не нашлось. Коллекция, что ли? И ведь почему-то нет сомнений, что это мои монеты, хотя не помню, откуда они у меня.

Мысли перескакивают к другой непонятке. Одежда-то без малейших признаков сырости. То есть, я провел на этом песке не больше часа, судя по свежести ветерка. Но вокруг меня даже намек на следы нет. А ведь туда, где песок переходит в траву и кусты, и в три приема не допрыгнуть. Со стороны воды он выглядит таким же нетронутым. Нет, понятно, что на сухом песке не будет четких отпечатков обуви, звериных лап или чего еще, но... Не по воздуху же я сюда попал.

Признаков человеческого присутствия нет. Еды в мешке от силы на неделю, а на одной рыбе — при условии, что она в озере есть, причем не пуганая, потому что никаких снастей у меня не имеется — долго не протянуть. И если сейчас начало лета, на что очень похоже, то в лесу может не быть ни ягод, ни грибов. На местное зверье рассчитывать тоже не стоит — еще неизвестно, кто на кого будет охотиться.

В общем, оставаться здесь смысла никакого. Но куда идти? Я смотрю на разрыв в высокой стене деревьев на другом берегу. Ответ напрашивается сам собой.

Через десяток шагов песок под ногами неуловимо меняется. Цвет тот же, влажность тоже, но вот плотность резко возросла. Словно до этого и правда по пеплу шел. Делаю шаг назад — нет, не показалось. Ладно, это не повод менять планы, здесь мне в любом случае делать нечего.

Путь в обход озера долог, к прогалу выхожу уже в сумерках. Пристанищем на ночь становится старое дерево, ствол которого имеет удобную развилку на высоте в три человеческих роста. Крупный хищник, если тут есть такие, туда не доберется, а с мелочью как-нибудь договоримся.

Закрыв глаза, слушаю шорохи ночного леса. Мысли слегка путаются — слишком много пробелов в доставшейся мне картине мира.

Лицо, отразившееся в озерной воде, не вызвало у меня бурной реакции — просто где-то в глубине сознания что-то щелкнуло: ага, вот, значит, как я выгляжу. Как-то сразу признал это лицо своим. Более того, мне понравился мой нынешний облик.

Лицо... не сказать, чтоб с идеально правильными чертами, но все же почти лишенное деталей, которые обычно бросаются в глаза. Никаких шрамов, бородавок, татуировок, разноцветных глаз, сросшихся на переносице кустистых бровей, выпирающих скул, сломанного или просто слишком крупного носа или квадратной массивной челюсти... Такое и не запомнишь, если среди прочих на глаза попадется. Особенно если этими самыми глазами не встречаться. Не то чтобы некрасивое или бесцветное, а именно «запоминающееся с трудом». Рост, пожалуй, все-таки выше среднего. Не хлипкий паренек, способный без труда сойти за девочку. Не пузан, которому проще катиться, чем идти. Не перекачанный атлет с ярмарки, тупой и неповоротливый. Пожалуй, охотник... или наемник. Во всяком случае, явно не угодивший под внезапную мобилизацию крестьянин или горожанин. Для такого образа в выражении лица чего-то не хва-

тало. Скорее, беглый аристократ. Почему беглый? Потому что не беглые так не одеваются... Да и просыпаются обычно в более комфортных условиях, даже если не могут вспомнить, что было накануне. А для скотовода или ремесленника в моей голове теснилось слишком много вопросов. Опять же, денег у меня пока что больше, чем у среднего мастера ювелирного цеха. И уж точно не монах или приверженец какого-нибудь культа — за все это время никаких богов я ни разу не вспомнил, ни добрым словом, ни плохим. Возраст моего отражения тоже пришелся мне по душе. Не безусый юнец, но все же слишком молодой, чтобы нянчиться с внуками. Где-то около тридцати, пожалуй. Усов и бороды не наблюдалось — лишь легкая щетина, которая вряд ли успела преодолеть рубеж одних суток. Что служило лишним подтверждением того, что у озера я оказался именно сегодня. Кожа смуглая, но исключительно благодаря загару. Короткая стрижка. Волосы светлые, но все же среди них хорошо заметны седые нити. И сидеть я начал задолго до потери памяти. Определенно.

Вдруг в замедляющемся хороводе мыслей мелькает одна, заставляя меня замереть — я вспоминал назначение вещей в мешке, увидев их. Пока его не развязал — даже не помнил, что они там есть... Что же надо сделать, чтобы вспомнить хотя бы имя, если не все, что стерлось? Но вместо ответа приходит сон.

Проснулся рано. Убедившись, что никакие личности — даже подозрительные — в округе не болтаются, спустился на землю. Дождлся, когда солнце поднимется повыше и сойдет роса, вышел к прогалу и двинулся прочь от озера, вверх по очень пологому склону. Наверное, двигаться по лесу было бы проще — там, похоже, никогда не ступала нога лесоруба, и на земле лежало лишь толстое одеяло из перегнивших листьев и иглицы, да изредка попадались кустарники и упавшие стволы деревьев. То есть не было тех непроходимых джунглей, которые обычно окружают места, к которым человек приложил свою руку. Но лесной полумрак плохо действовал мне на нервы, уж не знаю чем. Заблудиться боюсь, что ли? Короче, открытое пространство мне больше по нутру.

По-прежнему никого не видно, но оно и к лучшему. Кто знает, не в обычае ли у местного населения носить с собой оружие и хвататься за него без лишних разговоров. Если оно тут есть, это самое население.

Ближе к полудню на вершине подъема открывается следующий фрагмент головоломки — за гребнем склон оказывается заметно круче. А внизу прогал обрывается — там меня ждет все та же лесная бесконечность. Причем подножие склона настолько далеко, что вершины деревьев, растущих там, я не мог видеть, пока не оказался на гребне. Все же идти надо в прежнем направлении — впереди виднеется следующий разрыв в лесном море, и он не настолько далек, чтобы от него отмахнуться. Пожалуй, через пару часов можно было бы туда дойти, если бы... Если бы не этот поганый кустарник, покрывающий и склон, и его подножие. Более высокий, чем попадавшийся прежде, листья темнее и другой формы, вдобавок ветки жесткие и закрученные, а главное — среди листьев торчат длинные колючки. И разрыва в этом безобразии не видно. А ножом проход не прорубить, тут нужен инструмент посерьезнее. Обойти через лес? Но заросли сливаются с чащей по обе стороны, теряясь где-то в полумраке между деревьями. Чего доброго, окажется, что они тянутся вокруг озера без разрыва. А проверять это мне не хочется.

Оглядываюсь назад. За озером леса тянутся сплошным темным одеялом до самого горизонта, линия которого изломана горной грядой довольно мрачного вида. Похоже, в ту сторону и в самом деле не стоило идти.

Но не стоять же здесь весь день в надежде, что кусты расступятся сами. Ладно, говорю себе, не стена все-таки.

Кусты не освобождают мне дорогу, но и задержать не пытаются. Только скользят по бокам с недовольным шелестом, норовя зацепиться за одежду или ударить по глазам. К счастью, это

южный склон, и ветви кустарника вытянуты в основном от меня, а не навстречу — вот в обратном направлении вряд ли так легко удалось бы пройти. Впрочем, в мои планы это и не входит.

В густой листве я вижу ненамного дальше собственного носа, так что колючие заросли кончаются как-то уж очень внезапно. Одно движение — и я оказываюсь на краю леса, словно и не было этой преграды.

Отойдя подальше, оглядываюсь. Надо же... Теперь пейзаж производит еще более отталкивающее впечатление — кажется, что это не склон холма, довольно пологий и всего лишь поросший густым кустарником, а почти отвесная каменная стена, кое-где поросшая мхом. Любопытный обман зрения. Путь к озеру тут решился бы искать только тот, кто знает о нем.

Найти бы до темноты что-нибудь вроде охотничьей избушки. Чтобы и с припасами, и без жильцов...

Впереди вдруг намечается что-то похожее на просвет. Как-то очень уж далеко в стороны уходит. Пресека? Невольно прибавляю шаг. Заросли внезапно расступаются, и я едва успеваю остановиться на краю глубокой — почти в мой рост — и широкой канавы. По счастью, сухой. Канавы, по другую сторону которой лежит дорога. Шириной канаве под стать — от края до края не меньше десятка полных шагов. По другую сторону еще одна канава, тоже сухая.

Похоже на магистральный тракт. Уж точно не времянка, ведущая к месту лесозаготовок. Под ногами — вроде бы грунт, но ровный, укатанный и утрамбованный до каменной твердости. Даже колеса тяжело груженных повозок не оставили на нем следов. Зато опавших листьев и нанесенной ветром с обочин пыли предостаточно. Словно несколько лет здесь никто не ходил и не ездил. А может, и не лет...

По левую руку тракт круто заворачивает к югу — куда я и так шел. По правую — наоборот, плавно рисует загиб к северу. И это направление мне нравится гораздо меньше. Прежде всего, тем, что вполне может вернуть меня туда, откуда я вышел вчера.

Похоже, расстояние между поселениями, превышающее дневной переход, здесь обычное явление — признаков жилья по-прежнему никаких. Впрочем, то, что тракт не выглядит ухоженным, еще ни о чем не говорит.

Гадая, куда же повернуть, замечаю потемневший от времени деревянный столб, почти незаметный на фоне леса. Стоит в той стороне, которая мне не нравится, да еще и в доброй сотне шагов от меня. Зато на нем виднеются стрелки указателей, на которых что-то написано. Надо бы глянуть — что.

Увы, от той, что смотрела на меня, остался лишь измочаленный огрызок. Надпись погибла безвозвратно. Другой стрелке повезло больше — и сама уцелела, и на ней четко читалось «Сонейта» и «32». Очевидно, название какого-то поселения и расстояние до него.

Прояснилось и кое-что еще. Буквы те же, что и на деньгах, а главное — герб, скрепляющий стрелки на столбе, присутствует на всех монетах в моем кошельке, где аверс не занят портретом чеканившего их властителя. То есть вокруг, куда ни повернись — Аларийская империя. Тогда цифры означают расстояние в тигах. Если исходить из средней скорости ходьбы в две тиги в час, то, в принципе, можно дойти и за день. Если выйти на рассвете, отдохнувшим, сытым и налегке. Но полдень миновал, еще когда я был на гребне, а ночью через незнакомый лес даже по такой дороге идти не стоит. Так что, скорее всего, выйду к Сонейте завтра ближе к вечеру. Или послезавтра к обеду. Ладно. Хоть какая-то определенность.

Тракт, оправдывая мои подозрения, меньше чем через тигу начинает еще сильнее загибать к северу. Вскоре в шелесте деревьев прорезывается какой-то неясный шум. Похоже, близко река.

Лес расступается как-то внезапно, тракт выкатывается на берег широкого и глубокого оврага, вбегает на старый мост, сложенный из грубо отесанных камней, перелетает на другой берег и снова ныряет в чащу. Вот только я не могу последовать его примеру, разве что проделать эту часть пути по воздуху.

Средняя треть моста отсутствует полностью.

Подхожу к краю провала и смотрю вниз. Похоже, обломки моста образовали там что-то вроде плотины, вода льется через ее верхний край, отчего маленькая речушка и шумит так громко. Я смотрю на ее веселое буйство и понимаю, что придется возвращаться. Провал слишком широк — не перепрыгнуть и даже мешок не перебросить. Ни топора с пилой, ни снаряжения для лазания по скалам у меня нет. Самый простой способ попасть на тот берег, не покалечившись — это вернуться и обойти озеро, поскольку речушка, скорее всего, в него и впадает. Потратить, самое меньшее, еще два дня, а то и три... Это если не лезть в воду. Можно ведь пройти вдоль оврага в сторону озера или наоборот, прочь от него, и поискать место, хоть немного пригодное для переправы. На это, возможно, уйдет меньше времени. Хотя если придется топтать до самого устья... Нет. Вся ценность этого пути была в том, что он выглядел более коротким или хотя бы определенным. Сейчас он таким уже не казался.

Начинаю поворачиваться, чтобы двинуться прочь, как вдруг чувствую... взгляд? Нет, не взгляд. Ощущение такое, что до черепа изнутри дотронулись чьи-то ледяные пальцы. По-прежнему никого не видно, но инстинктам лучше доверять. Ощущение холода пропадает, едва я, сиганув в сторону, распластываюсь за большим валуном. Меня хотят отогнать от моста или временно потеряли из виду? Хорошо, если первое. Переживу. Как говорится, не очень-то и хотелось. А если второе?

Я не жду, пока эта жуть снова дотянется до моего черепа. И ползу прочь от обрыва, стараясь не поднимать головы и попутно отгоняя острое желание бросить увесистый мешок вместе со всем его содержимым. А когда мост исчезает из виду даже в просветах между деревьями, выбираюсь на дорогу и устремляюсь прочь. Устав бежать, перехожу на шаг. Заметив злополучный столб, достаю нож. Перечеркиваю цифры, кое-как доцарапываю снизу «дороги нет». И снова иду, стараясь не думать о том, с чем столкнулся у моста. И вообще ни о чем не думать.

Наконец тракт выползает из лесу на то дикое поле, что я видел с гребня, но меня отпускает, только когда солнце начинает пробовать на вкус вершины деревьев. Чувствую, как гудят ноги и как взмокла спина. И все так же никто меня не догоняет и не идет навстречу.

Впрочем, откуда быть оживленному движению на дороге, ведущей в тупик. Да еще в такой тупик... Наверное, и по ту сторону моста то же самое. До самой Сонеиты, если не дальше. Кто знает, почему эта жуть не стала меня преследовать. Может, просто не голодна...

Солнце скрывается за лесом, моим пристанищем на этот раз становится дерево на опушке, расколотое молнией — половинка ствола переломилась на высоте в два моих роста и рухнула, застряв в кронах других деревьев. Причем сердцевина устояла, так что отколовшаяся часть похожа на желоб. Идеальное лежбище — из такого случайно не вывалишься. Забираюсь, устраиваюсь и почти сразу засыпаю.

На рассвете меня будит птица, разорвавшаяся где-то неподалеку. Тело настойчиво требует отдыха, глаза слипаются, но необъяснимое желание убраться от озера подальше оказывается сильнее.

Тракт упорно ползет на юг, облака — туда, куда их гонит ветер.

Ближе к вечеру впереди снова обозначается река — может быть, даже та же самая. Мост тоже похож — из таких же поросших мхом грубых каменных блоков. Только целый. Оглядываю окрестности. Странно. Один лишь мост. Ни деревни, ни хутора, ни постоянного двора, ни даже будки стражника или сборщика какой-нибудь подати за пользование мостом — а ведь место вроде неплохое. Неистощенная земля. Река. Лес. Да еще и проезжие не должны жадничать, оплачивая ночлег — на многие тиги вокруг никаких других поселений нет. Вот только что-то мешает людям здесь осесть... Неужели та жуть способна дотягиваться и сюда?

У реки останавливаюсь надолго — пыли и пота на мне предостаточно, помыться очень даже стоит. Заодно наполняю водой опустевшую фляжку — на всякий случай.

Тракт поднимается из речной долины и ползет, словно змея, сквозь густые заросли. Я вспоминаю, как тракт точно так же вилял в лесу перед обрушенным мостом, и невольно ускоряю шаг. Заросли внезапно отступают от обочины, а между дорогой и лесом обозначается немалых размеров пустошь. Похоже, здесь люди когда-то жили. По пустоши даже разбросано несколько небольших построек, старых, почерневших, с просевшими крышами. Одна и вовсе обвалилась, наполовину превратившись в черную кучу, ощеренную обломками досок. Но все это разного рода сараюшки, а не жилые дома. Домов нет. Солнце уже почти полностью скрылось за лесом, но квадраты старых каменных фундаментов, на которых прежде стояли избы, и полуразвалившиеся остовы печей видны вполне отчетливо. Все указывает на то, что люди ушли отсюда сами — ни один дом не сгорел, деревянные срубы аккуратно разобраны и увезены. Навскидку выходит почти полсотни таких квадратов. Надо же. Довольно большая деревня... была.

Все, что могли забрать — забрали. Даже деревья повыкапывали. Нет, то, что фундаменты и печи оставили — это понятно. Камни и глину можно найти в другом месте. А сараюшки оставили, скорее всего, потому, что они уже тогда были гнильем. Но почему пустошь не заросла дикой травой? Неужели люди выжали из этой земли все соки? Или она чем-то отравлена? Или проклята? Почему жилые постройки разобраны и увезены, а не брошены или сожжены?

Ладно, об этом можно будет подумать чуть позже — если опять не удастся заснуть сразу. Вопрос о ночлеге сейчас куда важнее. Я направляюсь к постройке, которая, как мне показалось, стоит ровнее других. Рискну дожидаться утра под ее крышей.

А дверь-то на месте и прикрыта плотно... Петли, правда, основательно проржавели — не рассыпались бы, когда открывать буду. Наверное, стоило осмотреть и все прочие постройки, но сумерки все гуще. Зачем искать приключения? На уставших ногах далеко не убежишь. Берусь за щеколду. Дверь недовольно кряхтит, но поддается.

Внутри темно, но слабого света из дверного проема и нескольких маленьких окошек под низким потолком хватает, чтобы понять — ничего, кроме паутины, там нет. Тоже хорошо.

Приглядевшись, я понимаю, что под ногами доски, причем настолько толстые, что гниль их так и не взяла. Сохранности способствовало и полное опустошение помещения, и сквозняки, свободно гулявшие по нему. Доски — это хорошо. Но все же на пыльных досках спать неинтересно. Я ставлю мешок в угол, вытаскиваю тот нож, что подлиннее и потяжелее. Не коса и не серп, конечно, но, чтобы нарезать травы на подстилку, сгодится.

За травой приходится возвращаться к краю пустоши несколько раз. Зато когда темнеет окончательно, могу быть уверен, что сегодня отдохну. Если, конечно, никто не помешает. Со всей возможной осторожностью закрыв дверь, принимаюсь за ужин. Хорошо, что не поленился наполнить фляжку у моста. Колодца вроде не заметил, а если бы он и был, то не уверен, что рискнул бы набрать здесь воды. А так — глядишь, и хватит на пару дней.

В щели сочится умиротворенность обезлюдевшего мира. Стрекохут насекомые, периодически доносятся вскрики птиц и какие-то далекие звуки, невнятные, но не страшные. Обычный ночной шум. Чувство опасности бессовестно дрыхнет.

Все-таки странно, что люди ушли отсюда. Очень странно.

Ладно, что гадать-то. Поживем — увидим. А сейчас лучше выспаться. Если и завтра придется топтать целый день, то ясная голова и свежие силы очень даже пригодятся.

Отлежать себе бока не получилось. Когда сонную тьму разорвал немой вопль до сих пор молчавшего чувства опасности, горизонт на востоке еще не начал светиться.

Подхватив нож, подобрался к двери. Между двумя постройками на дальнем от меня краю пустоши мелькнул какой-то смутный силуэт. Человек?

Пялясь туда, где скрылся ночной гость, не сразу замечаю, что мы здесь не одни — со стороны леса смутно ощущается какое-то движение. Но разглядеть хоть что-нибудь не выходит.

Тучи, по-прежнему скрывающие изрядную часть неба, не пропускают к пустоши даже лучиков лунного света. И тут тихий шорох доносится откуда-то из-за спины. Я поворачиваюсь, но успеваю увидеть лишь мелькнувшую в окошке... тень? Крепче сжимаю рукоять ножа... Что-то глухо звякает, будто кто-то попытался взяться за щеколду снаружи, и тут же звякает еще раз, причем намного громче. И вдруг вся постройка содрогается от удара, но дверь выдерживает. Еще удар, еще, с потолка сыплются истлевшие остатки соломы... И тут в уши вливается полустон-полувздых, полный боли и разочарования, а шорох превращается в громкий шелест, словно по траве волокут что-то тяжелое, что-то затрещало... И вдруг все звуки пропали, ощущение опасности исчезло, словно его и не было. Выглянувшая в разрыв в тучах луна высветила пустошь — но в этом мертвенном свете не шевелилось ничего — даже трава. Что бы это ни было — оно ушло. Я вернулся на свое травяное ложе и снова улегся, прислушиваясь к ночным шорохам. Но лишь когда небо у горизонта начало светлеть, смог заснуть, а когда проснулся — солнце было уже высоко.

Несмотря на острое желание убраться отсюда поскорее, все же осматриваю и остальные постройки. Увы, в тех развалах нет ничего интересного. Разве что сгнили они куда сильнее. И никаких следов ночных гостей.

А когда прохожу по той стороне пустоши, что ближе к лесу, что-то внутри меня словно ухает глубоко вниз — среди травы виднеются ямы с обсыпавшимися краями. Длинной и глубиной в рост человека. И ширина соответствующая. Ямы тянутся длинными неровными рядами, и разрывов в этих рядах нет. Словно кто-то зачем-то выкопал всех покойников на кладбище. Причем, как и с деревней, это сделано с максимальной аккуратностью — никаких костей и черепов вокруг, никаких надмогильных камней, даже расколотых. Заглядываю в несколько крайних ям — пусто. Только следы от луж на дне. Обычных дождевых луж. Все же, кому понадобилось переселять еще и мертвецов?

Возвращаюсь к постройке, в которой ночевал, и захожу внутрь. Пытаюсь понять, почему ночной гость не смог ворваться, машинально провожу рукой по стене, задеваю раму окошка под потолком... И вдруг цепляюсь за что-то. Это «что-то» при ближайшем рассмотрении оказывается гвоздиком. Серебряным. Я бросаюсь шарить по стенам — и нахожу такие же гвозди у каждого окошка, а у двери их и вовсе было четыре — в каждом углу дверного косяка. Это от кого же такие обереги?

Осторожно втыкаю гвоздик на место, медленно выхожу наружу, аккуратно, даже очень аккуратно прикрываю дверь, поворачиваю щеколду... и вижу лежащую на земле прямо перед входом маленькую бляшку, похожую на пуговицу, разве что без дырочек, из все того же серебра. Вот только какая-то она оплавленная, что ли. Судя по всему, этот оберег был воткнут в балку под крышей прямо над дверью. И выпал, когда ночной гость пытался дверь высадить. Причем выпал прямо ему на... загривок. И это, помнится, очень ему не понравилось. Очень. Покатав ее в пальцах и так ничего и не ощутив, вставляю бляшку обратно — может, кому еще пригодится.

Забросив мешок на плечо, расправляю складку на нагрудном кармане и вдруг понимаю, что под тканью что-то есть. Сунув руку в казавшийся пустым карман, нахожу за складкой узкую серую полоску. На ней два коротких слова. Имя. Но чье оно? Кого-то, кого я должен найти? Или кого должен опасаться? Или мое собственное? Ладно, потом. Все равно я сейчас не знаю, что мне с ним делать.

Едва я вхожу в ритм, как через тигу тракт обрывается. Только что казался бесконечным — и вдруг закончился. Я даже не сразу поверил глазам, когда увидел это. И вот с трех сторон от меня лежит широченное серо-зеленое одеяло, густо утыканное одинокими деревцами или небольшими рошицами. Надо же. И тут тупик. Но не возвращаться же. А что это за тем-

ная фиговина, похожая на огромный камень, виднеется впереди? Вроде недалеко. Полтиги, от силы. Ладно, мне все равно в ту сторону. Не возвращаться же.

На полпути к валуну оборачиваюсь — и не вижу позади ничего, кроме колышущейся травы. Ни заброшенного тракта, ни почерневших от времени построек на пустоши. Словно кто-то снова пытается мне сказать, что обратного пути нет. Подхожу к камню. Грубо вытесанный куб высотой в три моих роста. Обхожу его — и замираю в изумлении. Прямо передо мной лежит тракт, живой брат-близнец оставшегося позади тракта-мертвеца. Причем как раз у валуна он, ползущий с юга, делает резкий поворот на запад. Словно стремится подальше обойти места, ставшие неуютными...

На южной грани каменного куба красуется большая белая стрела, указывающая на запад. Кривые буквы над стрелой складываются в надпись «Ларинья». С западной стороны такая же стрела, сопровождаемая словом «Сентера», смотрит на юг.

Ларинья и Сентера. Две провинции на Среднем Севере империи. Я вздрагиваю. Сколько еще вот таких осколков всплывет из тумана?

И куда теперь? На юг или на запад? Прямо или направо? Если свернуть направо... Наверное, по тракту можно добраться до Сонейты без особых приключений. Но надо ли мне туда? Достая из кошелька монетку. Подбрасываю. Орел. Значит, на юг. А краска на камне довольно свежая. Еще нигде не обсыпалась.

К вечеру третьего дня после валуна-указателя лес по обе стороны ужимается до узкой зеленой полоски у среза горизонта, порой и вовсе пропадая из виду — благодаря бесчисленным холмам и холмикам. Еще трижды встречаю что-то похожее на остатки брошенных поселений. Все три раза днем, так что ночевать там не пришлось.

Дорога тем временем переваливает через очередной холм и спускается к реке — куда более широкой, чем виденные ранее. И мост здесь тоже основательнее и длиннее. Более того, за ним дорога раздваивается.

И прямо у развилки торчит самый настоящий постоялый двор! Капитальное двухэтажное строение с не менее основательным забором. Вряд ли это пристанище какой-нибудь нечисти. В видимых над оградой окнах второго этажа уже горит свет, из печных труб сочатся струйки дыма. Вот только пока приближаюсь к воротам, надо успеть сочинить себе легенду, чтобы меня пустили внутрь сейчас... и не выгнали потом.

Задача не из простых. Врать кому-то, не зная, что он знает — порой чрезвычайно опасное развлечение... Впрочем, а с чего я взял, что ко мне будут приставать с расспросами? Мне нужны ночлег и ужин, деньги у меня есть, разговорчивостью не страдаю... Что странного-то? Подумаешь, пешком пришел.

Окрестности постоялого двора выглядят... скажем так, мрачновато. Оградой в три человеческих роста охранные мероприятия не ограничиваются. Вокруг забора шагов на триста трава отсутствует. Просто темно-серое пространство, покрытое комьями земли. Вдобавок по краю мертвого поля идет ров, шириной шагов десять, замкнутый в кольцо и наполовину заполненный мутной водой. От тракта ограду отделяют те же триста шагов лишенной растительности земли и еще один мост, перекинутый через ров. От моста до самых ворот выложена каменными плитами подъездная дорога. Интересно, от чего они так страхуются?

Подхожу к воротам. Здесь неизвестный архитектор тоже проявил свою мрачную фантазию — ворота не просто вделаны в забор. По обе стороны от них из ограды выступают башенки с бойницами наверху — и вдоль ограды можно стрелять, и в того, кто ломится в ворота со злым умыслом. Можно подумать, это крепость, а не постоялый двор.

Тем не менее, это именно то, о чем я подумал. Над воротами виднеется не лишенная изящества кованая вывеска с надписью витиевато закрученными буквами, которые складываются в простую и понятную надпись «У РЫЖЕГО МЕДВЕДЯ». Крепости так не украшают.

Вдруг откуда-то сбоку раздается приглушенный голос:

— Чего стоишь? Забыл, как в дверь стучат? Имей в виду, не войдешь до захода солнца — ночевать будешь за оградой. Если денег мало, так во дворе и бесплатно можно до утра переждать. На соломе, правда, да не в поле. За воду тоже денег не берем. Чай, не... — он добавляет какое-то слово, которого я не разбираю, понимая все же, что речь о каких-то совсем уж недостойных представителях рода человеческого. А может, и не человеческого. — Так что, будешь заходить? Если нет, то проваливай. Недосуг мне с тобой ласы точить.

Я невольно хмыкаю. Надо же.

— Зайду, если откроете.

Что-то заскрипело, но ворота не шелохнулись — вместо них открылась маленькая дверца в правой башенке.

— Заходи. Только без шуток.

Протиснувшись внутрь, вижу своего собеседника. Несколько неожиданно он оказывается высоким широкоплечим здоровяком, по сравнению с которым я чувствую себя сопливым щенком. Рыжебородый великан выглядит заметно старше меня, но все же не настолько, чтобы сгодиться мне в отцы. Он улыбается — видимо, моя растерянность проступила очень уж явственно. Все же на свою силушку бородач не слишком рассчитывал — по обе руки от него стоят двое помощников. Один навел на меня взведенный арбалет, второй охотничью двустволку. Хорошее ружье, к слову. Арбалет тоже не выглядит самоделкой. Да и парни не слабые. И не глупые, судя по взглядам, которые они бросают то на меня, то на своего вожака. За спиной раздается уже знакомый скрип и еще какой-то шорох. Оглядываясь и вполне ожидаемо обнаруживаю еще одного парня. У него в руке поблескивает кинжал. Грамотно. Для арбалета или ружья там места мало, да и своих можно задеть, а вот кинжал — в самый раз. Я поднимаю руки, показывая открытые ладони, и улыбаюсь.

Здоровяк отступает на шаг назад и делает приглашающий жест:

— Проходи. Как раз к ужину поспел, повезло тебе. До утра али как?

— Пока до утра, — пожимаю плечами, — а там видно будет. Я вроде как не спешу.

— Мои парни тебя еще на горке приметили, — говорит здоровяк, поднимаясь на крыльцо, — и очень удивились — с той стороны давно никто вот так не приходил. Потому и меня позвали, обычно сами с гостями разбираются.

— Давно?

— Что давно?

— Не приходил.

— А... Да почитай, как война кончилась — с тех пор из Ларины никто в одиночку не выбирается, даже верхом. Одни купцы ездят, но редко и только большими караванами... Армия ведь ушла. Чьи деревни разорили, те следом подались... А что ты спрашиваешь, будто сам не оттуда? — даже при слабом освещении на его лице читается удивление. — Отсюда до самой Сонеиты после войны ни одного поселения не осталось. Хотя их и было-то не больше дюжины... Да и Сонеита эта — не деревня, а так, десяток дворов всего лишь. Если б не пост Серой Стражи, и эти съехали бы, наверное. Страшно, поди, на краю жить.

Интересно, о какой войне речь? Стоп... Что? Он упомянул Сонеиту? Всего лишь деревня?

— А далеко отсюда до Сонеиты?

Здоровяк окидывает меня внимательным взглядом:

— Да тиг за сотню будет, пожалуй, если по тракту. Далеконько, да. Сколько на самоходе путь займет, не знаю, а торговые караваны обычно с двумя ночевками до нее идут. На своих

двоих наверняка дольше будет. По старой дороге вышло бы втрое короче, но там и так старались не ездить, а как мост в конце войны обрушился, то и вовсе про нее забыли. А ты что спрашиваешь, со счета сбился?

— Вроде того, — я неопределенно пожал плечами, — день сегодня какой?

— Четверень с утра был... Э, парень, прости. Ты, поди, весь день на ногах, устал с дороги, а я тебя вопросами кормлю. Пошли в дом, нечего тут стоять.

Молча киваю, опасаясь выдать себя глупым вопросом. Судя по всему, я оказался прав в своих предположениях. Я очнулся в глухом углу немаленькой империи, и ни одно название не говорит мне ничего, кроме примерной привязки к сторонам света. А должно было — ведь почему-то я устремился прочь от этого славного места, даже не помня никакой Ларины и стороны, в которой она осталась. И, кстати, что он назвал самоходом?

Мы двинулись к крыльцу. За спиной что-то скрипнуло и лязгнуло. Я оглянулся. Парень с кинжалом ушел куда-то за дом. Тот, что был с ружьем, похоже, снова поднялся на смотровую площадку. Арбалетчик, убрав свое оружие за спину, шел за нами.

— А ты везунчик, как я посмотрю, — здоровяк, больше других подходивший на роль хозяина заведения, явно не страдал излишней молчаливостью. — Из Ларины в одиночку пешком дойти и всего лишь счет времени потерять. Или был с тобой кто?

— Нет, — мотнул я головой, — не было никого. — Вот еще, придумывать себе несуществующих попутчиков.

— Оружие хоть какое есть у тебя? — продолжал допытываться бородач.

— Только нож. Точнее, два, но второй не в счет.

— Считаю, без оружия, — подытожил мой собеседник. — С таким везением тебе и бояться-то нечего. Другому мимо одной Ортинской пустоши пройти хватило бы, чтоб облысеть от страха, не то что поседеть. И то днем.

Это он про которую пустошь? Где я прошлую ночь провел? Интересно, если ему рассказать — он весь восхищением изойдет или наконец-то пальцем у виска покрутит?

— Даже сейчас тебе повезло, — здоровяк на мгновение останавливается в дверях, — как раз к ужину поспел.

Я усмехнулся:

— Да я бы не сказал, что есть хочется... Просто очень сильно хочется есть. Потому что сегодня еще не ел. А горячего и вовсе с самой... Сонейты во рту не было, наверное.

— Значит, и вина выпьешь?

— Почему нет? В дороге никто не наливал.

Здоровяк улыбается:

— Вот это правильно! Это я понимаю!

Он усаживает меня за стол, размещавшийся ближе прочих к стойке. Пока он отдает распоряжения, я осматриваюсь. Судя по всему, к ужину здесь собираются все постояльцы. И сейчас их немного. Зал почти пуст. Два стола в самом дальнем углу занимают семеро крепких мужиков — наемники, судя по повадкам и одежде. Компания порядком навеселе, но ведут они себя довольно тихо. Возможно, они здесь не первый раз — или не первый день — и стараются не нарываться. Между нами двое мужчин — эти больше похожи на торговцев. Стол рядом с ними достался их четверым помощникам, ближе к выходу сидят мужики поздоровее и попроще — видимо, возницы и охранники. Тоже вчетвером. Эта компания выглядит какой-то вялой. Молча едят и пьют, лишь изредка перебрасываясь короткими тихими фразами. У них что, тоже выдался тяжелый день? У меня за спиной трое в серых монашеских балахонах молча доедают свой ужин, так же тихо поднимаются и почти бесшумно следуют к двери, врезанной в боковую стену между столами наемников и лестницей, уходящей на верхний этаж. Все провожают их взглядами, но даже в пьяной компании никто не говорит ни слова — похоже, шутить в их адрес не принято.

Улыбчивая молодлица, чем-то неуловимо похожая на Медведя, — то ли дочь, то ли младшая сестра — принесла мой ужин. Краем сознания отмечаю, что посмотрела она на меня без любопытства. Ладно, к вопросу моей привлекательности для противоположного пола я при случае вернусь, а пока так даже лучше. Вдруг я где-то уже женат?

Так, а что у нас на ужин? Ого... Интересно, чем это я заслужил такую доброту? Или Медведь с первого взгляда определил мою платежеспособность? И, кстати, где он сам? Мы ведь не закончили разговор, да и насчет ночлега не договорились. Заняться, что ли, прикладной арифметикой, пока его нет? Так... Я видел троих его людей, и вряд ли у ворот были все, на такое хозяйство нужно куда больше народу. Эти трое, скорее всего, самые доверенные. Гостей, считая монахов, набирается два десятка. Если, конечно, все вышли к ужину. Что вряд ли. Вон как тот наемник, что сидит лицом к лестнице, зыркает куда-то вверх время от времени. Точно — молодлица выныривает с кухни с полным подносом, накрытым салфеткой, и парень, что встречал меня с арбалетом, тащит за ней еще один. Как раз на второй этаж. Значит, еще один. Ну, или двое. А если гости наверху высокого ранга, значит, можно добавить прислугу и охрану. На каждого высокого гостя минимум двое или даже трое. Как вариант, среди гостей — женщина. И она не выходит, чтобы не дразнить гусей. То есть гостей — прежде всего, наемников. Все-таки этот арбалетчик похож на молодлицу — брат, что ли? Может, и остальные — не наемные слуги, а родственники хозяина? Впрочем, мне-то какая разница? Итак, здесь сейчас никак не меньше трех десятков человек, практически у всех есть оружие и они наверняка умеют им пользоваться. Впрочем, главное, что войны нет. Есть шанс, что никто не примет чужака за шпиона.

Торговая компания, покончив с ужином, гремит стульями. Двое купцов идут наверх, остальные из их компании уходят в ту же дверь, что и монахи — видимо, там располагается общая спальня для небогатых клиентов. Не иначе, намереваются с рассветом продолжить путь. А вот наемники, похоже, никуда не спешат. Вновь возникшая в зале девушка подходит к ним, выслушивает заказ и вскоре возвращается с парой больших кувшинов. Компания взрывается радостным галдежом, по-прежнему не проявляя ко мне никакого интереса, — на девушку они поглядывают куда чаще.

Мысль, что Медведь знал меня в моем прошлом, отмечаю сразу — он или назвал бы меня по имени при встрече, или не открыл бы ворота. Придумать что-нибудь еще я не успеваю — хозяин возникает словно ниоткуда и усаживается напротив, загородив меня от наемников. Тоже хорошо. Поворачиваться к ним спиной я опасаюсь, но и пялиться в их сторону уже надоело.

— Даже не вспомню, когда последний раз ужинал так сытно и вкусно, — говорю я, отодвигая тарелку и ничуть при этом не лукавя. Во всех смыслах.

— Приятно слышать, — улыбается в бороду хозяин. — Кстати, ты уже решил, что будешь делать дальше? В том смысле, двинешься дальше завтра или задержишься. Ты не подумай чего — я среди ночи гостей не выставляю. Если ночь тут встретил — до утра дотерпим.

— Пожалуй, могу и задержаться, — отвечаю, — деньги у меня есть, а спешить особо некуда. Вот только мне бы лучше отдельную комнату. Так чтоб без толпы соседей.

Медведь хмыкнул:

— Что, думаешь, эти парни тебе не компания? Брось, я их знаю. Ребята простые, без придурей. Не первый раз останавливаются. У графа Зорена служат. Да и уедут завтра. Дело, конечно, твое, но...

— Просто я их не знаю. А мне бы хотелось заснуть в спокойной обстановке. Хотя бы сегодня.

— Ясно... Звать-то тебя как? А то спросить даже забыл. Меня-то все Медведем кличут. Давно, привык уже. Но если хочешь, можешь звать по имени. Хальд, Хальд Барен я.

И что мне ему ответить?

— Шай Таннер, — я называю имя, написанное аккуратными мелкими буквами на бумажке, которую случайно нашел в кармане куртки три дня назад, а потом сжег, попутно опробовав огниво. Пепел же старательно растер в пальцах и развеял над дорогой. Хотя уверенности в том, что имя может быть моим, по-прежнему не испытываю. Но меня оно устраивает. Побуду Таннером. А может, и останусь им — если, конечно, Шая Таннера не ищут за какие-нибудь серьезные прегрешения, способные привести на плаху, виселицу или каторгу.

— Будем знакомы, Шай Таннер, — Хальд жмет мне руку. Крепкая рука у него. Огромная. Действительно, медвежья лапа. — Ты не удивляйся, чего это я так тебя встретил, даже имени не спросив. Мне от матушки дар остался — чувствую я людей. Что-то смутное в тебе чую, но это не тьма. Ты — хороший человек.

— Не тьма... Туман? — неожиданно для себя самого спрашиваю я.

— Вот да, туман, — согласился Медведь, — точнее не скажешь.

— Магия? — спрашиваю, имея в виду его дар. Он трясет головой:

— Нет, какая там магия... Магия — это у знахарей или волшебников. А я просто чую. Колдовать там или сны пророческие видеть мне не дано. Мысли тоже не читаю... Но оно и спокойнее так, если честно. Мне моего дара за глаза хватает.

— Так как насчет комнаты? — возвращаюсь я к прежней теме.

— А комната есть, и даже не одна, — Хальд слегка мрачнеет, — нынче достойные господа предпочитают по замкам да поместьям отсиживаться, редко выезжают куда. В основном за счет купцов да таких вот служивых держимся. Вот до войны совсем по-другому было. Отец мне рассказывал, что...

Что ему рассказывал отец, я не узнал — к нему подбегает давешний «арбалетчик» и что-то быстро шепчет на ухо. Хозяин крикает с явной досадой, встает и говорит:

— Вот же ж... Ладно, сейчас подойду, — парень дергается, сочтя свою миссию законченной, но Медведь придерживает его:

— погоди, Альдрес. Наш гость будет ночевать наверху. Скажи Мальгите, пусть подготовит комнату — ту, что в конце коридора, по левой стороне. Скажешь — сюда вернешься. Негоже твоей старшей сестре тут одной быть.

Альдрес-арбалетчик кивает и скрывается за стойкой.

— Ладно, — Медведь поворачивается ко мне, — я пойду. Дела, сам видишь. Думаю, мы еще поговорим. Когда комната будет готова, тебя позовут. Хорошо?

— Хорошо, — киваю я.

Веселая компания, вид на которую снова открылся мне с уходом Барена, по-прежнему предпочитает останавливаться взглядами на хлопочущей за стойкой хозяйской дочке. Но недолго — возвращение Альдреса заставляет разгулявшихся наемников искать другую точку для фокусировки зрения.

Наконец, один из них цепляется взглядом за меня. Осторожно встает, подхватывает свою кружку — едва не выплеснув ее на соседа. Покачиваясь, движется ко мне.

Я невольно напрягаюсь. Пьяный наемник — не противник. Но он не один — там их еще шестеро. Впрочем, пока не похоже, чтобы он хотел подраться.

— Эй... привет, друг. Чего ты один тут скучаешь? — добродушно рокошет наемник и без приглашения плюхается на стул. Тот тревожно скрипит, но все же держится. Незванный гость ставит кружку на стол.

— Я — Герит, — сообщает он мне, — Герит Рунтир. А тебя как звать?

— Меня не зовут. Я сам прихожу, — отвечаю, наклонившись к нему с хитрой усмешкой. Герит издает короткий смешок — он явно не собирался задиаться и слова мои принимает именно как шутку, а не как повод для махания кулаками.

— А ты шутник, однако... Ладно, дело твое. Не хочешь — не говори. Давай лучше выпьем за графа Зорена — благодаря которому я и мои друзья недохнем со скуки и с голодухи.

— За здоровье графа, — соглашаюсь я, поднимая свою кружку с вином. Какая мне разница? Даже если я завтра узнаю, что он достоин лишь быть зарезанным без сожаления, сегодня я выпью за его здоровье.

— Пошли к нам, — предлагает Герит, опустошив кружку, — у нас веселее.

— Извини, трудный день был. Чертовски хочется спать.

— А чего ж тут сидишь, если спать хочешь? Вон, купцы и монахи уже свалили, — вылупливается он на меня в полном недоумении.

В этот момент я замечаю девочку-подростка, возникшую сверху лестницы. Она похожа на хозяйничающую за стойкой молодницу, но, скажем так, лет семь назад. Это и есть младшая дочка Медведя, догадываюсь я. Она изображает пальцами какой-то знак, Альдрес кивает ей, потом смотрит на меня. Ясно, комната готова.

— Просто не знал, куда вино пристроить, пока ты не пришел, — с усмешкой говорю Гериту. — Приятно было познакомиться, Герит Рунтир. Да забери ты кувшин, забери. Мне уже хватит. Выпьете и за мое здоровье тоже.

Наемник рассыпается в благодарностях, неожиданно ловко подхватывает кувшин, не опустевший даже наполовину, и возвращается к друзьям под их радостные вопли. Я же направляюсь к лестнице, по пути попросив девушку за стойкой отнести наемникам еще пару кувшинов «от меня» — я не строю иллюзий насчет того, что им надолго хватит того, что унес Герит.

Помещение, куда приводит меня младшая дочка хозяина, оказывается небольшим — как раз для одного постояльца. Мебели тоже самый минимум — кровать, стол, два стула, шкаф для одежды и сундук с висячим замком для ценных вещей. Белье на кровати явно свежее.

— Как тебя зовут? — поворачиваюсь я к девочке. А она будет красавицей. Старшей стоит поспешить с замужеством, а то, глядишь, младшую сосватают первой.

— Мальгита, господин, — отвечает она, но глаза не опускает.

— Спасибо тебе за старания, Мальгита.

— Вам спасибо на добром слове, — странно, в затылке словно зашевелился ржавый гвоздь. Что такого было в этой фразе?

— Скажи, а помыться у вас можно? И одежду постирать?

Девочка смотрит на меня с легким изумлением. Ну да, конечно... «Если от мужчины не несет смесью табака, алкоголя и пота, значит он до неприличия чист и опрятен — или мертв, причем это вполне совместимо» — вспомнилась чья-то хлесткая фраза. Вспомнилась, но ничего с собой не притащила из тумана.

— Если вы хотите умыться, то вот, — она показывает в угол слева от двери, где за шторкой обнаружилась объемистая бочка с медным краном внизу, установленная на массивную тумбу, — но тут вода холодная. А если вы хотите помыться... целиком, с горячей водой, то придется подождать — баня у нас только послезавтра... Насчет стирки я не знаю, но спрошу.

— Ясно, — киваю. Хватит вопросов на сегодня. Вытаскиваю из кармана монетку — да, пожалуй, эта будет в самый раз — протянул девочке:

— Это тебе. Спасибо еще раз.

Мальгита восторженно пялится на подарок — серебро! — и бормочет:

— Да будут добры к вам небеса, господин! Спокойных вам снов.

— И тебе...

Она выпорхнула из комнаты, и я закрыл дверь. Что ж, день закончился очень даже неплохо. Пожалуй, можно провести здесь несколько дней — вдруг подвернется какой-нибудь караван. Конечно, и из нынешних гостей Рыжего Медведя я, скорее всего, никого не заинтересовал. Но лучше уехать с тем, кому не будет известно, как и откуда я здесь появился.

Заперев мешок в сундуке, я слегка освежился — емкость бочки позволяла не только сполоснуть руки и лицо. Тут ко мне постучался давешний арбалетчик — забрал одежду, которую нужно было постирать. Я поблагодарил его, запер дверь и нырнул под одеяло, не забыв пога-

силь свет. Возможно, какой-нибудь граф счел бы простыни недостаточно белоснежными, но я не был графом — во всяком случае, за собой такого не помнил. К тому же все предыдущие ночевки, что я помнил, не шли с этой ночью ни в какое сравнение. Так что я ощущал себя наверху блаженства. Но недолго — пока не вспомнил ощущение ржавого гвоздя в затылке.

«Спасибо на добром слове». Что такого в этой безобидной фразе? Ведь память молчит. Но ощущение очень уж странное. Если не сказать — неприятное.

Спокойной ночи... Шай Таннер, говорю себе и закрываю глаза, полагая еще один день завершенным. Хотя наемники наверняка еще не закончили разбираться с вином и закуской, здесь их не слышно. Вспоминаю, что по пути сюда не скрипнула ни одна ступенька на лестнице, ни одна половица. На совесть построено. Но, несмотря на тишину, сон не спешит меня поглотить, и я принимаюсь мысленно рисовать план этажа.

Следуя за дочкой Медведя по коридору, я насчитал двенадцать дверей, и, судя по расстояниям между ними, комнаты отличаются по вместимости. Окнами на ворота выходят пять, а на задний двор — семь, в том числе и моя. Комната напротив моей, похоже, такая же «однокроватная». Та, что возле лестницы, скорее всего, рассчитана на двоих постояльцев — как и все остальные на моей стороне коридора. А вот три комнаты в середине «переднего» ряда, исходя из расстояния между дверями, можно считать четырехместными, хотя не факт, что в каждой из них по четыре кровати. Вполне возможно, что для аристократов и такое помещение слишком мало и там стоят только две кровати, если не одна. Интересно, купцы сняли одну комнату на двоих или все-таки две отдельные? Дело даже не в том, предпочитают они друг друга или все-таки женщин — просто одна комната дешевле двух. Они ведь торговцы, привыкли считать деньги. Главное, что субординация соблюдена — они спят не рядом с подчиненными и работниками. А комфорт не так важен, если предстоит провести в этом доме только одну ночь. Все же... кто еще поселился рядом со мной на этаже? Так и не придя к какому-то определенному выводу, я начинаю погружаться в дрему. Но заснуть не удастся.

Где-то рядом явно отпирают дверь. Кому еще не спится?

Дверь моей комнаты подогнана плотно, и не скажешь сразу — что-то послышалось или я почувствовал движение в коридоре. Какой-то явной опасности не ощущается, но... Ножи уложены в мешке, а он под замком, без шума сундук быстро не открыть. Да и нужно ли сейчас оружие? Осторожно отодвигаю засов и тяну дверь на себя. Совсем немного. Прислушиваюсь.

Не показалось — до моих ушей явственно долетает шепот. Очень тихий, ни слова не разобрать, но один голос однозначно принадлежит женщине. Причем это не одна из дочек Медведя. А вот собеседник дамы определенно сам Барен... Ну, никто и не говорил, что Медведь человек простой. Простак бы здесь не выжил.

Я уже собираюсь прикрыть дверь, считая, что не вправе влезать в дела Хальда — уж хотя бы потому, что тот не стремится влезть в мои, — но тут до моих ушей доносится голос третьего участника тайного разговора. Его голос, как и голос дамы, мне незнаком, но выделяется тем, что шептать его обладатель явно не привык. Так что теперь я могу разобрать хотя бы часть сказанного.

— Почему вы уверены, что ему можно доверять? Вы же сами видели его сегодня первый раз, разве не так? — говорит этот третий. Ему отвечает Барен, затем в разговор вступает дама. В конце концов, мужчина сдается:

— Хорошо. Убедили. Я согласен, хотя идея мне не нравится. Я бы предпочел иметь дело с кем-то, кого я знаю.

Уж в чем-чем, а в этом я с ним полностью согласен. Больше ничего интересного услышать не удастся — говорит в основном Медведь, время от времени дама что-то уточняет, а господин, не умеющий шептать, молчит — видимо, излагает свое мнение жестами и гримасами. Разговор у них не затянулся — вскоре послышались шаги Барена, удаляющиеся к лестнице, что-то зашуршало, потом тихо закрылась дверь, глухо лязгнул засов и все стихло.

Выждав немного, тоже закрываю дверь и возвращаюсь под одеяло. Что это было? А ведь мое предположение, что здесь поселилась дама, оказалось верным. Пожалуй, если доживу до старости, подамся в предсказатели... Стоп! Кому это можно доверять? Кого он не знает? Уж не обо мне ли речь?!

Я задумался. А ведь это не самый плохой поворот. Допустим, какой-то аристократ едет куда-то с дамой — женой, сестрой, дочерью или любовницей. По каким-то причинам требуется усилить охрану. В компании этих господ у меня будет больше шансов добраться до более обжитых — и безопасных — мест... Нет, конечно, можно остаться здесь, наняться к тому же Медведю, а потом, глядишь, даже породниться с ним... Возможно, это было бы лучшим будущим для меня — если так ничего и не вспомню. Но если я не просто потерял память? Если меня хотели убить — просто мне повезло выжить, хоть и такой ценой? Тогда задерживаться здесь не стоит — слишком близко от того места, где я вполне мог и не проснуться. В конце концов, я же сам собирался покинуть дом Барена, как только найдутся подходящие попутчики. Почему бы и не воспользоваться предложением — если оно завтра прозвучит?

И тут мне в голову приходит мысль — вот смеху-то будет, если речь была вовсе не обо мне! И я, совершенно успокоившись, наконец-то засыпаю.

Рассвет я, вопреки собственным ожиданиям, проспал. Разбудила меня все та же младшая дочка хозяина, вежливо постучав в дверь:

— Господин Таннер! Господин Таннер!

Ага, она уже выяснила, как меня зовут.

— Доброе утро, девочка. Что случилось?

— Ничего не случилось. А... вы завтракать вниз спуститесь или вам сюда принести?

Ну надо же... Кажется, надо было все-таки выбрать монетку помельче номиналом.

— Я спущусь. Спасибо, что разбудила. Только...

— А... одежду вашу Альдрес сейчас принесет.

— Очень хорошо. Можешь идти.

Из-за двери донесся стук ее каблучков. Я усмехнулся. Интересно, мне когда-нибудь приходилось так легко относиться к жизни?

Когда я спускаюсь в зал, Медведь как раз раскланивается с купцами. От Альдреса узнаю, что монахи уехали еще на рассвете. Их путь лежал на восток — иначе говоря, за воротами они повернули направо. Купцы, наоборот, направляются на запад, в город Гинзур. Наемники еще дрыхнут. Так что хозяин, проводив одних гостей, пойдет будить других. И, наверное, Герит сотоварищи, подкрепившись, сразу же уедут — до замка отсюда добрых полдня пути, вряд ли им захочется прибыть туда после заката.

— А чего ж им еще на день не остаться? — лениво интересуюсь я.

Альдрес негромко хмыкает:

— Так они уже почти все свои деньги пропили. Третий день тут торчат. В замок должны были еще вчера вернуться. Если и сегодня граф их не увидит — то выгонит со службы без единой монеты, да еще и опозорит на всю округу.

Что Альдрес имел в виду под округой, не спрашиваю. Надо думать, речь идет о довольно обширной территории — при такой-то плотности населения. А парень продолжает:

— В графском замке порядки простые — не успеют до ужина, до утра никто кормить не будет. А не приедут до темноты — так и вообще ворота не откроют. Старый граф такие порядки как завел после войны... — тут Барен подает парню знак, и тот, не договорив бросается к нему. Они оба выходит вслед за купцами на крыльцо.

— ...так до сих пор никто их не отменил, — договариваю я незаконченную фразу. В зале остаемся только я и Маргета, протирающая за стойкой посуду. Тарелки опустели, я с некото-

рым сомнением смотрю на вино в кружке, но все же выпиваю. Теперь и кружка пуста. Заметив это, Маргета подходит ко мне:

— Еще вина, господин Таннер?

Надо же, и она запомнила, кто я. А выглядит усталой и невыспавшейся. Хотя... Выспишься тут. Не успеют одни уgomониться, как другим уже завтрак надо готовить.

— Спасибо, не надо, — Маргета молча уносит пустые тарелки. Может, лучше пока вернуться к себе? Чтобы лишний раз не нарываться на Герита и его собутыльников. Если мои предположения верны, при них со мной все равно никто разговаривать не станет. Хотя... Может быть, Герит что-то знает об этих... гостях? Впрочем, сейчас он все равно внятно разговаривать не сможет.

Я уже собираюсь уходить, когда кто-то из наемников обозначается в дверном проеме. Но это не Рунтир, а как раз тот парень, что сидел вчера аккуратно напротив лестницы.

— Пива! — прорычал-прохрипел он. Я встретился взглядом с Маргетой и кивнул — мол, если что, я заплачу. Девушка лишь пожала плечами. Наемник довольно уверенно добирается до моего стола и плюхается на свободный стул.

— Здорово, друг. Меня Ольден звать. Я тебя помню, — говорит он, — ты был тут вчера. Герита угостил.

— Верно, — не стал я спорить. Подбежала Маргета, поставила на стол кувшин, наполнила кружки и умчалась, скрывшись в дверном проеме позади стойки. Донесся шум передвигаемой посуды. Наемник ухватил кружку и залпом уполовинил ее содержимое. Силен. Впрочем, у меня внутри пожар не бушевал.

— Ты — хороший мужик, — выдает он, отдышавшись, — не то что эти... торгаши. Жмоты. Хоть бы кувшин вина поставили. А ведь под нашей охраной от самой Мелаты ехали.

— Что, не заплатили? — удивился я.

— Я не про то, — машет он руками, — причем тут деньги? Просто не по-людски так... Кошель старшему сунули — и все. Ты вон нас вовсе не знаешь, и то — с Геритом выпить не погнушался, и другим по кружечке перепало. А эти... — он едва удержался, чтобы не сплунуть.

Я наливаю ему еще пива, он благодарно трясет головой и делает большой глоток. Я оглядываюсь на вход — нет, Медведь еще не возвращался. Но лучше ему не знать об этом разговоре.

— Слушай, Ольден, вы ж тут не первый раз. Скажи, а здесь всегда так мало народу? Я вчера кроме вас и купцов никого не видел. А, нет, еще монахи были. Только они еще затемно уехали.

— Да? Уехали уже? Оно и к лучшему, — бросил Ольден, — ну их... — он переваривает мои слова до конца и снова мотает головой: — Не, тут еще дворянин был один. Еще позавчера приехал, следом за нами. Барон Фогерен, сосед нашего графа Зорена. С бабой. Кто такая — понятия не имею, но точно не жена и не сестра — я бы знал, одно скажу — из благородных и очень красивая... Но лучше не подходить. Даже если ты граф... А ты не граф?

— Нет, не граф, — Ольден ухмыльнулся: — а похож.

— На кого? — изумляюсь я совершенно искренне.

— На графа!.. Не, не то чтобы на какого-то графа... — он завращал бровями, пытаясь помочь мозгу сложить фразу, — а вапще. Ну, то есть, если бы мне сказали, что ты — граф, я бы поверил. Хоть и одет ты не по-графски. Тоже на службе, а?

— Тоже... Ну, друг, потешил ты меня, — я доливаю нам пива, потом спрашиваю: — А чего ж даже графу лучше не подходить?

— А потому что барон Фогерен — лучший фехтовальщик Сентеры, а может, и всей Империи, — с какой-то непонятной гордостью выдает Ольден и добавляет: — И стрелок он отменный. Хотя, говорят, он человека и голыми руками убить может. Его потому, говорят,

сюда из столицы и сплавили, в родовое поместье, что он там кого-то придушил. Кого-то не из простых, чуть ли не из императорской фамилии даже. Говорят, что как раз из-за этой бабы... Вроде как в ссылку... Ик! Пойду-ка я отолю, — сообщил он мне о своих дальнейших планах и откланялся.

Я проводил его взглядом и двинулся к лестнице. Мучающийся похмельем вояка сообщил мне не так уж много — но достаточно, чтобы подумать над этим в тишине и уединении. Во всяком случае, перспектива покинуть постоялый двор в компании парочки аристократов несколько упала в цене. Хотя выбор по-прежнему невелик. Мне все равно нужны транспорт и оружие — не уходить же отсюда пешком и с парой ножей. А барон вполне может обеспечить меня и тем, и другим, причем за свой счет. Да еще и укроет своей тенью от слишком внимательных глаз и ненужных вопросов. Главное, чтобы приключения барона оказались связаны исключительно с его сердечными делами, а не с каким-нибудь заговором. Вот только после подслушанного ночного разговора в это как-то не очень верилось. Нет, я не сомневался в его благородстве, смелости, решительности, а также в том, что он лучший боец в округе. Но вот впечатления амбициозного ублюдка, готового идти по головам, он на меня почему-то не произвел. Такие если и ввязываются в заговоры — то из-за дружбы, любви или сказок о светлом будущем, но никак из-за власти и денег. А вот с его спутницей дело явно обстояло сложнее и запутаннее.

Время к обеду, а в мою дверь никто не стучится. Они что, все-таки решили обойтись без меня? Или эта сладкая парочка ждет кого-то еще? Что там говорил Альдрес? Служивые должны уехать до обеда, чтобы успеть добраться до темноты? Надо будет все же выяснить при случае, что это за обычай путешествовать исключительно в дневное время.

Спустившись вниз, обнаруживаю графских наемников уже на пороге. Они прощаются с Медведем, и прощание выглядит не в пример теплее, чем то, что я видел утром в исполнении торговцев. Это именно прощание со старыми и добрыми знакомыми — с шутками, рукопожатиями, похлопываниями по плечу. Мне тоже перепадает толика грубоватого юмора — вояки оценили мою вчерашнюю щедрость и встречают без настороженности, заодно знакомлюсь с остальными. С Геритом и Ольденом, особенно благодарными мне за выпивку, даже обнимаюсь на прощанье. Не знаю, могу ли я теперь считать их своими друзьями, но есть шанс, что они не будут спешить убить меня при следующей встрече. Уже хорошо.

Семерка всадников скрывается за воротами. Но прежде я замечаю притороченные у седел ружья. Мало похожие на то, чем меня могли встретить накануне. Калибр уж больно мал, и делали их явно не графские оружейники... Надо же, нарезной огнестрел... Нет, понятно, почему у людей Медведя его не заметил. Если не решили, что обойдутся при встрече незваного гостя чем попроще, то... Вероятно, дорого, боеприпасов не напасешься... или просто запрещено. Все-таки Герит и остальные на службе у графа, а если тот достаточно богат... Но почему наличие винтовок для меня оказалось неожиданностью, в отличие от мечей и арбалетов? И тем не менее, сразу понял, что это за оружие... Тем временем Медведь делает какой-то знак парню, что вчера встречал меня с кинжалом, и поворачивается ко мне:

— Ну что, надумал что-нибудь?

— Пока обедать, а там посмотрим, — принимаю я нарочито загадочный вид. Барен расплывается в улыбке:

— Пока обедать, хы-хы-хы! Честное слово, Таннер, ты мне нравишься все больше.

Мы возвращаемся в дом. Хальд распоряжается насчет обеда, потом присаживается за один стол со мной.

— А если серьезно, Таннер? Что будешь делать дальше?

Я смотрю на него и думаю, что, пожалуй, незачем ему знать. Ни про подслушанный ночной разговор, ни про похмельные откровения Ольдиса. В принципе, сильно притворяться не надо — эти штрихи если и портят общую картину, то незначительно.

— Если честно, сначала думал пожить у тебя какое-то время. Спешить мне некуда, я уже говорил... но потом я пришел к выводу, что все-таки надо двигаться дальше.

— И куда ты решил направиться?

— На юг.

— Ну, это понятно, что не назад в Ларинью, — хмыкает Хальд. — А куда именно?

Ну, Медведь, ты же умный, да еще и дар у тебя — догадайся сам. Графство Зор я пока что рассматриваю лишь как очень запасной вариант. Гинзур, куда уехали купцы, мне тоже не подходит — именно потому, что я не хочу их там встретить. Тем более, что Гинзур, во-первых, не морской порт, а во-вторых, севернее этих мест, что мне тоже не нравится. Значит, остается Мелата. Кстати говоря, Фогерен и его спутница явно прибыли сюда из поместья барона — иначе присоединились бы к наемникам и торговцам во все той же Мелате — кучей все-таки безопаснее. Не из Лариньи же они приехали, иначе кто-нибудь об этом сказал. А если этой парочке нужно было во все тот же Гинзур, они бы здесь и вовсе не появились... наверное.

— Для начала в Мелату... — начинаю я, а Барен снова кивает и говорит с усмешкой:

— А что ж не сразу в Терону? Столица велика, нашлось бы и тебе и место, и занятие по душе.

Ой, Хальд, может, хватит ходить вокруг да около? Зови уже моих будущих попутчиков. Заждались, поди. Но вместо этого отвечаю:

— Терона далеко. Пешком не дойду.

— Это верно, — соглашается он. — Я так понимаю — хотел кому в попутчики напроситься?

— Верно, думал.

— А что к монахам не присоединился? Как раз сегодня утром уехали. Или не хотел вставать так рано?

— Во-первых, не знал, куда они едут. Во-вторых, сильно сомневаюсь, что они позволили бы мне ехать с ними. В-третьих, даже если бы знал, куда они направляются, и они бы согласились терпеть мое общество, сам не захотел бы оказаться в их компании.

— Это почему же? — спрашивает Хальд, хотя не скрывает своего удовлетворения моим ответом. — Что ты имеешь против братии?

— Да ничего, — пожимаю плечами, — просто я думаю, что они слишком скучные попутчики.

— Слушай, Таннер, это, конечно, не мое дело, — Медведь мнетя, но любопытство побеждает, — но почему ты один пошел? Если тебе, как ты говоришь, не к спеху... Опасно ведь. Почему следующего каравана не дождался? Или не покинул Ларинью с предыдущим?

Эх, Медведь, ты же умный мужик... Почему я, который ничего не помнит, должен тебе объяснять?

— Встречный вопрос: как часто ходят караваны из Лариньи?

— Ну, — он чешет в затылке, что-то вспоминая, — от снега до снега два-три. Может быть и четыре, но такое случается очень редко. Ведь пока один не вернется, другой не выйдет — так мне купцы говорили.

Ну вот, я так и думал.

— Ну так представь себе — когда уходил предыдущий, я еще не знал, надо ли мне ехать. А когда стало ясно, что надо — его уже и след простыл. А ждать следующего было слишком долго.

— Ты кого-то убил? — он как-то сразу подбирается и становится очень серьезным.

Интересно, какая правда его больше устроит? Хорошо все-таки, что кое-какую легенду я себе сочинил. Не бог весть что, но, по идее, должна сработать. А вот трупы я в нее вставлять не буду. Судя по тому, как Хальд об этом спросил, лучше обойтись без фальшивых скелетов.

— Нет. Я давно хотел уехать.

— А чем ты там занимался?

— У меня был свой магазин охотничьего снаряжения. Особой прибыли он не приносил, впрочем, убытка тоже. Иногда нанимался охранником, иногда проводником к военным или богатым охотникам — больше от скуки и чтобы форму не потерять, чем ради денег. Но я не бедствовал. Мой отец когда-то вложил оставленные дедом деньги в бакалейную лавку своего приятеля, дело пошло, лавка выросла в большой магазин, потом они вместе подмяли всю бакалейную торговлю в округе. Когда три года назад отец умер, его доля перешла ко мне, но я в этом деле ничего не понимал, да и не было оно мне интересно. То, что я просто получаю свою долю прибыли, меня вполне устраивало. Устраивало это и совладельца. И тут совладелец предложил мне продать мою долю. Чтобы дело стало целиком его. Я подумал — ему хочется этим заниматься, мне нет, деньги он предложил хорошие — и согласился. Вот только сделал он свое предложение почему-то только через три дня после того, как караван ушел. Я бы, может, и дождался бы следующего каравана... Но в тот же вечер в мой дом пробрались воры. Меня не было дома — был у приятеля, праздновали сделку. Вернувшись утром, я обнаружил дом в полном беспорядке. Все деньги, что я получил, пропали. Конечно, сообщил властям, началось расследование, но я не рассчитывал, что воров быстро найдут. К слову, начальник стражи — родственник человека, выкупившего мою долю.

— Ты думаешь... — Хальд смотрит на меня с немым вопросом в глазах. Я пожимаю плечами:

— Тогда я об этом не думал. А вот сейчас... Но доказательств нет.

— Ясно... А что потом было?

— На следующую ночь в мой дом снова вломились. Их было трое, и я думаю, они знали, что я там. Наверное, они рассчитывали, что у меня есть еще деньги, и надеялись силой заставить меня отдать их или сказать, где они спрятаны. Но у них не получилось. Я оказался дома не один — тоже позвал пару крепких приятелей. Грабители сразу поняли, что их ждет, и смогли сбежать неузнанными. Я не стал ждать третьего нападения. Один из этих моих приятелей собирался жениться и жить отдельно от родителей. Другому нравился мой магазинчик. Я предложил одному купить дом, второму магазин. Мы все остались довольны — с одной стороны, я получил вполне приличную сумму, а они — то, что вряд ли смогли бы найти так быстро за эти деньги. Переночевал у того, что собирался жениться, потом мои друзья довезли меня до Сонейты. Дальше они ехать не рискнули, но я их в этом не виню. Думал там дождаться следующего каравана, но потом понял, что лучше в таком месте не задерживаться. А что было дальше, я помню плохо, извини.

Сначала я не собирался говорить Барену, что воры забрали все те деньги, рассчитывая этой мифической сделкой объяснить спрятанное в моем мешке состояние. Но потом подумал, что незачем искушать Медведя — моего золотого запаса хватило бы на то, чтобы выкупить весь его постоянный двор, да еще и всю его команду нанять лет на пять минимум. Тут и он может дрогнуть. Нет уж, пусть все считают, что у меня с собой лишь деньги от спешной продажи дома — сумма, конечно, приличная, но все же не запредельная.

— Да-а... дела, — протянул Хальд. — Теперь понимаю, почему ты решил не дожидаться следующего каравана.

— Именно. На дороге меня ждало неизвестно что, но вполне могло и повезти. И, как видишь, повезло. А дома — потеря всех денег, да и жизни впридачу, причем наверняка.

— Ну, не знаю, что я делал бы на твоём месте... Наверное, предпочел бы остаться, хотя бы до следующего каравана — и даже побороться за свое добро. Неужели в Ларинье только дети верят в страшные сказки о Змеином тракте? Вон, знакомцы твои новые, что графу Зорену служат — на что смелые парни, но и дважды всемером бы туда не сунулись, даже будь у них каждая вторая пуля серебряная.

— Но караваны же ходят?

— А что караваны? Там куча народу, никак не меньше сотни лбов, и все при оружии. Да и солдат из гарнизона для охраны всегда берут.

— Дороговато выходит такой караван довести...

— Да уж, не дешево, — вздыхает Хальд, — зато целыми добираются. Впрочем, без прибыли не остаются — мне так думается. В Ларинье, по крайней мере.

— И терпения им не занимать, — хмыкаю я, вспоминая, что, по словам Медведя, караван идет от Сонейты по Змеиному тракту дольше, чем я проделал бы этот путь по заброшенной дороге. А ведь я шел пешком. Словно прочитав мои мысли, Хальд говорит:

— По Мертвому тракту было бы короче, и раньше караваны ходили по нему. Да и назывался он тогда иначе — Равурским, по имени императора Равура Пятого, при котором его построили. Но еще до войны там пропало три каравана подряд, и по нему ездить почти перестали, в основном только войска перебрасывали, и только большими отрядами. Говорят, даже нужду справляли прямо на дороге, никто в кусты не отлучался. А кто все-таки сдуру стеснялся при всех гадить, того потом по частям собирали. Если вообще что-то отыскивали. И это я про большие отряды говорю. А если десяток или два солдат посылали — никто не доходил. Во всяком случае, хотя бы на голову здоровым. Уже тогда тракт Мертвым называть стали. А как Силейский мост рухнул, так и вовсе перестали туда соваться — все равно от Сонейты до этих мест после войны по старой дороге ни одной деревни не осталось.

Это что же, подумалось мне, я должен считать, что мне несказанно везло, пока я от озера шел? Но вопрос, кто разбудил меня на пустоши, остается невысказанным, я лишь киваю, соглашаясь с его последней фразой:

— Это верно, никто сейчас вдоль тракта не живет.

— А что ж верхом не поехал? — он, видно, решил прояснить этот вопрос до конца. Понимаю. Сам не люблю недоговоренности. — Мог ведь купить коня, если не имел. Я ж так понимаю, денег на это хватило бы. Все ж быстрее...

— Конь у меня был, и хороший, но его я тоже продал. Все равно дорога предстояла долгая, тяжелая... Мало ли. Конь-то в чем виноват?

Хальд кивает. В самом деле, что тут скажешь?

— Послушай, — решаюсь я воспользоваться тем, что он пока думает, что еще сказать, — сколько я тебе уже должен? За ночлег и за еду? Не хотелось бы уехать, так и не заплатив.

Пошарив в кармане, извлекаю из него несколько монет.

— Этого хватит? С учетом обеда? — опять это непонятно откуда вылезающее знание о том, сколько действительно нужно отдать. На всякий случай я добавляю еще один кругляш. А что скажет Медведь?

Хальд берет деньги, привычно проверяет — не подделка ли? — потом вдруг смущается и прячет монеты в карман.

— Хватит, Шай. Можешь считать, что ужин ты тоже оплатил... — он кладет руки на стол, как-то странно вздыхает и вдруг говорит:

— Шай, как ты смотришь на то...

Я смотрю ему в глаза и понимаю, что предложение присоединиться к барону Фогерену все-таки последует.

— Смотрю на что?

— На то, чтобы не ждать попутчиков. Я ведь так понимаю, что ты не просто очень везуч, но и постоять за себя сможешь, если что? С оружием обращаться умеешь? — дождавшись моего утвердительного кивка, он переходит к главному: — У меня остановился один человек... из благородных. И он как раз направляется в ту же сторону, что и ты. Дорога до Мелаты не самая безопасная, всякое может случиться, а свита этого господина невелика, каждый человек на счету. И он будет рад, если такой толковый парень, как ты, присоединится к нему.

Я делаю задумчивый вид и выдерживаю надлежащую паузу, словно это предложение мне в новость.

— Что требуется от меня? У него есть какие-то условия?

— Есть... Ты не просто едешь вместе с ними — ты поступаешь к нему на службу. То есть защищаешь его и его спутников как себя. Выполняешь приказы. Не задаешь лишних вопросов. Он — предоставит тебе оружие и коня, еда и ночлег — тоже за его счет. Он также заплатит тебе пятьдесят серебряных империалов, когда вы доберетесь до Мелаты — даже если в пути ничего не случится. В Мелате ты будешь волен его покинуть, если захочешь. Ну, или как уже вы с ним договоритесь.

— Как его зовут?

— Думаю, будет лучше, если на этот и все остальные вопросы он ответит тебе сам, — Хальд поморщился. Ему явно не нравится так говорить, но выбора у него нет. Он не может упомянуть имя барона, пока я не соглашусь.

— Да, пожалуй, ты прав... Ладно. Это хорошее предложение. Скажи ему, что я согласен.

— Жди здесь, — Медведь неожиданно тяжело поднимается и медленно идет к лестнице.

Это что же? Он считает себя ответственным за то, что я могу во что-то вляпаться в компании барона и его подруги? Зря, Хальд. Честно слово, зря. Ты ведь почти ничего обо мне не знаешь. Даже я сам о себе знаю не на много больше.

Часть 2. Разворот и направо

Как говорится в таких случаях — и что ж тебе, молодец, за печью-то не сиделось? Вместо того, чтобы остаться среди тех, кто не задает вопросов, и подождать, чтобы муть хоть немного осела, ввязаться в новое приключение — возможно, только потому, что хочется убраться подальше от точки начала своей нынешней жизни, предпочитая более осязаемую опасность...

В ожидании Хальда обвожу взглядом опустевший зал. А днем здесь светло. Даже самые дальние углы вполне просматриваются. Очень продуманное расположение окон. Тихо. Слышно, как где-то жужжит муха. Никого, ни Альдреса, ни его сестриц, ни кого-то еще. Впрочем, а зачем им тут торчать? Все прочие гости уехали. Постоялый двор в чистом, фигурально выражаясь, поле, с наглухо закрытыми даже в полдень воротами — это не то место, где у стойки может внезапно нарисоваться умирающий от жажды клиент. Окрестности просматриваются самое меньшее на тигу в любую сторону, пока кто-то подъедет, пока ему ворота откроют, пока он сюда войдет... Успеет даже черепаха. Да и шумно здесь может быть только утром — когда уезжают те, кто переночевал, и вечером — когда собираются те, кто ночевать будет.

А ведь Медведь сказал, что ужин я оплатил. Из этого следует, что сегодня мы уже никуда не уедем — раз уж тут не принято выбираться за ворота, если не рассчитываешь постучать в другие ворота до заката. Барон, несмотря на свое бурное столичное прошлое, должен быть в курсе местных суеверий, более того — исходя из того, что я о нем успел узнать, должен относиться к этим суевериям с пониманием и уважением. Тем более что на человека, куда-то сильно опаздывающего, он не похож.

Я привычно развлекаюсь подсчетами, прикидывая число будущих попутчиков. Впрочем, вряд ли их больше десятка, включая, само собой, господина барона и его даму — иначе зачем им я? Не по доброте же душевной барон решился позвать меня в свою свиту.

Хальд снова возникает на верху лестницы:

— Пойдем.

Правильно, негоже благородным господам спускаться ради невесть кого. Поднимаюсь к нему и, глядя на то, в какую дверь стучится Медведь, успеваю вспомнить, что ночью засов лягнул явно по другую сторону коридора. То есть барон предпочел пообщаться на нейтральной территории. Тоже правильно — зачем мне видеть его жилище, если мы вдруг не договоримся?

За распахнутой Бареном дверью открывается довольно просторное помещение. В центре, между двумя окнами, стол, покрытый узорчатой скатертью, свисающей почти до самого пола. В кресле слева от стола сидит, надо думать, барон Фогерен собственной персоной. Вряд ли этот титул носит кто-то из двух мужчин, стоящих рядом с ним. Мужчин в одинаковых темных костюмах простого, но явно удобного кроя. Они и сами какие-то одинаковые. Одного роста, одной ширины плеч. Даже лица похожи, особенно скучающе-сонным выражением. Хотя различить все же можно. И они явно не братья. Но пока я не знаю их имен, придется обозначить их по цвету волос.

Тот, у которого они чуть темнее, занял позицию у правой стены, а второй готов в любую секунду закрыть хозяина. Их нарочито расслабленные позы и равнодушные взгляды меня не обманывают. Такие способны придушить, не шевельнув ни одной мышцей на физиономии. Словно не люди, а... Но память так и не выдает нужного слова, хотя кажется, что я его знаю.

Если телохранитель у барона только один, то этот тот, что стоит рядом с ним. Как-то он... собранней, что ли? Хотя и темноволосый тоже не промах, явно. Все же почему-то мне

кажется, по сравнению с самим бароном его бойцы — сущие носороги, как говорится, в балет бы их точно не взяли.

Сидящий в кресле делает едва неуловимое движение плечами и переводит взгляд с меня на даму, занимающую кресло с другой стороны стола. И что-то в том, как он это сделал, окончательно убеждает меня в том, кто передо мной.

Барон хоть и одет просто, почти как те двое, но в таком человеке пороку никакими лохмотьями не спрячешь. Настоящий аристократ. В том, что он лучший фехтовальщик империи, я лично сомневаться не буду. Даже если очень попросят.

Продолжая смотреть на барона, осторожно фокусирую взгляд на его спутнице. Она действительно очень красива, Герит ничуть не преувеличил. Если Фогерен и в самом деле придушил из-за нее какого-то представителя императорской фамилии, то у него — с моей точки зрения — имеется обстоятельство, не просто смягчающее вину, а полностью его оправдывающее. И даже если она втянула его в пахнущую плахой авантюру и он идет на это, прекрасно понимая возможные последствия, — я его понимаю.

Но вернемся к барону, у которого помимо древнего титула есть не менее старинный замок и, наверное, весьма приличное состояние. Ведь его костюм стоит дорого, при всей простоте кроя. Вот как раз те, у кого кроме титула есть лишь спесь да немалые долги, обычно одеваются иначе даже в подобной глуши — с почти обязательными блестящими побрякушками или даже кружевами. Итак, что имеем? Дворянин, причем далеко не в первом поколении, герой войны, не калека и не сильно старый, к тому же богатый. При таких достоинствах ему достаточно быть не слишком уродливым, но он еще и красавец. У такого если и есть проблемы с женщинами, то исключительно с теми, что очень хотят за него замуж. Если, конечно, он не женат. Жаль, Герит ничего об этом не сказал — но Герит простой наемник, ему необязательно быть в курсе таких подробностей.

Медведь жестом предлагает мне сесть, указывая на свободное кресло, стоящее посреди комнаты. Я сажусь — лицом к барону, спиной к двери. Сажусь медленно — чтобы телохранители не занервничали. Мало ли чего им может примерещиться в слишком резком движении.

Неужели Фогерен не отошлет свою спутницу после формального знакомства, чтобы я хотя бы поначалу считал ее всего лишь красивой куклой? Или она, не скрывая своей роли в происходящем, тоже примет участие в допросе кандидата в попутчики? Мне все-таки кажется, что она останется. Кстати говоря, любопытный должен получиться разговор. Особенно, если Фогерен будет пытаться что-то от меня скрыть, а я — делать вид, что могу о чем-то догадаться.

С бароном все более-менее понятно. Натворил дел, сослал в далекое поместье с глаз долой, пока пыль не уляжется — а то и насовсем. Поехал, покоровшись судьбе, и виновницу своих бед с собой позвал. Если, конечно, она сама не навязалась. Но если сама, что погнало ее в эту глушь? Чувства? На инфантильную романтическую дурочку, мечтающую о тихом семейном счастье, она не похожа. Не удивлюсь, если она орудует кинжалом лучше, чем вязальными спицами или швейной иглой. Воля кого-то вышестоящего? Или существует некий тайный заговор, а роль барона в нем слишком велика, чтобы дать ему просто выйти из игры? И она при нем лишь надзирательница?

Стоп... Таннер. Ты отвлекаешься. Тебе нет дела до их игр. Даже если вдруг они затеяли убить императора, который для тебя как бы и не человек вовсе — вершина местной иерархии. Эти двое — лишь способ оказаться подальше от безымянного лесного озера. Попутчики на несколько дней. Ведь нет никаких гарантий, что барон решит продлить ваше приятное знакомство после прибытия в Мелату. Тем более что оно еще не началось, это знакомство.

Телохранители, к слову, вполне грамотно прикрывают хозяина, причем одновременно и от меня, и даже от Медведя. Не ограничивая при этом хозяину обзор и свободу движения. Мне, уже наслышанному о талантах барона к смертоубийству, это не кажется странным. Но вот почему я в этом разбираюсь?

Медведь неспешно подходит к столу и устраивается между мной и спутницей барона, словно еще один страж. Что ж, в этом нет ничего обидного — по-настоящему чужой здесь я.

— Это человек, о котором я вам говорил, — негромко говорит Хальд. Барон и его дама внимательно разглядывают меня. Барон — с тем же недоверием, что звучало в его голосе ночью, но без враждебности или брезгливости. Уже хорошо. Во взгляде дамы прочитывается хорошо скрываемое любопытство.

— Как нам вас называть? — интересуется барон ровным, ничего не выражающим голосом. Интересно, обращение на «вы» для него имеет какие-нибудь оттенки? И почему он задал этот вопрос? Вряд ли Медведь не сообщил ему имя, которым я назвался. Или дело не в имени?

— Меня зовут Шай Таннер, — я встретил его взгляд спокойно. Если бы Фогерен знал какого-то другого Шая Таннера, разговор начался бы иначе. Если бы вообще состоялся. Барон молчит, продолжая разглядывать меня. Но в мои планы соревнование в длине пауз не входит.

— Но вы можете называть меня Таннер, — кажется, я правильно понял причину его заминки, — без имени, титула, звания, сана или прозвища. Просто Таннер. Если этого будет недостаточно... при посторонних людях, потом вы сможете сами предложить мне называться как-то иначе.

Барон кивает, на лице его возникает что-то похожее на выражение удовлетворения. Похоже, я верно выбрал тон.

— Могу ли я, в свою очередь, задать вам тот же вопрос — как мне называть вас?

— Барон Венкрид Фогерен, — назвав свои имя и титул, он с некоторым сомнением посмотрел на свою спутницу. Та усмехнулась:

— Я понимаю твои сомнения, Венкрид, но ведь нам предстоит провести вместе... какое-то время. Так что нам так или иначе придется познакомиться, — сказала она и добавила, повернувшись ко мне: — Я — маркиза Тиана Деменир.

Ага, значит, она ему точно не жена. Больше ничего имя маркизы, как и все имена, услышанные прежде, мне не говорит.

— Вы согласились принять мое предложение, — произносит барон с непонятной интонацией. Полуутвердительно-полувопросительно. Что ж, придется внести ясность.

— Господин барон... Я действительно дал свое согласие. На предложение, переданное мне от вашего имени через господина Барена. И свой ответ передал через него же. Но я хотел бы услышать лично от вас, в чем именно будут заключаться мои обязанности — возможно, я что-то упустил из виду, когда давал ответ, или господин Барен о чем-то умолчал, разумно опасаясь сказать лишнее. Поправьте меня, если я ошибусь. Вам нужен человек, умеющий ездить верхом, обращаться с оружием и при этом способный защитить не только себя. Так же он не должен иметь склонности к задаванию лишних вопросов. Верно?

— Верно, — барон кивает, на его лице появляется что-то похожее на улыбку. Похоже, моя речь ему понравилась.

— Вы предоставите мне оружие и коня, поскольку у меня их нет, а без них мое пребывание на службе у вас не имеет смысла, а также заплатите некоторую сумму по прибытии в Мелату. После чего мы либо разойдемся в разные стороны, либо продолжим путь вместе — но об этом мы поговорим, когда туда доберемся. Так, кажется? Я ничего не упустил?

— Ничего, пожалуй. Примерно это я и собирался вам предложить... Скажите... Таннер, почему я должен быть уверен, что мне не придется пожалеть о том, что я вас нанимаю? — Фогерен прищурился. Я хмыкнул:

— Господин барон, пока что вы ничего не должны. По крайней мере мне, — Фогерен не может удержаться от улыбки, а я продолжаю: — А если серьезно, то насколько я понимаю, вы обо мне прежде ничего не слышали. Мое лицо вам незнакомо — это я к тому, что под другим именем вы меня тоже не встречали. И это вас смущает...

Лишний раз представляться жителем Лариньи мне не хотелось. То, что до сих пор мне никто не сказал ничего вроде «ты не похож на парня из тех мест» и не придрался к произношению, еще ничего не значит. Память вдруг расщедрилась и выдала, что сыновья обычно больше похожи на матерей, а дочери на отцов. То есть нетипичную внешность или акцент можно как-нибудь оправдать. Например, мать была откуда-то издалека, умерла при родах, а отец не рассказывал, откуда он ее привез. И все, концы с этой стороны обрублены. Главное, не встретить земляка или того, кто просто хоть немного ориентируется в нынешних ларинийских реалиях.

Но я не могу ручаться самому себе, что не проколюсь в следующую минуту на какой-нибудь мелочи. Гораздо более подозрительной, чем нетипичная для тамошнего уроженца внешность или режущий ухо акцент. Тем более, что Барен имел дело с моими «земляками», хотя бы теми же купцами, и легко признал во мне человека оттуда, и что-то неправильное разглядел лишь благодаря своему дару. А другие и вовсе ничего не заметили — ни во внешности, ни в речи. Но рано или поздно я скажу или сделаю что-то, не влезающее ни в какие ворота. И наверняка не все удастся списать на провалы в памяти, о которых хорошо бы и вовсе никому не знать. Барон, заметив странное, может передумать. А это совершенно ни к чему. Вряд ли подвернется более подходящая компания до того, как Медведь решит, что «туман» во мне все-таки может быть опасен. Так что будет лучше, если мы с бароном продолжим устраивать друг друга. До Мелаты, по крайней мере. Потом я хотя бы останусь при коне и оружии более серьезном, чем пара ножей — вряд ли Фогерен из-за такой мелочи выйдет из образа благородного властелина и бросит меня на дороге без всего этого.

— Нет, не слышал и не встречал, — барон отрицательно качает головой, — хотя манера выражаться у вас... довольно необычная...

На лицах телохранителей не шевельнулся ни один мускул, хотя, по-моему, они все-таки напряглись. Я-то точно напрягся. Хальд в недоумении шевельнул бровями. Маркиза тоже изобразила что-то этакое.

— По крайней мере, — барон пожевал губами, — для наемника, который случайно никем не нанят.

— Я не наемник, господин барон, — пожалуй, будет лучше сразу избавить его от этого заблуждения. Это чего же им Хальд обо мне наговорил?

— Однако ваша одежда... — во взгляде аристократа появилось нечто, похожее на удивление. Ага, значит, не наговорил. Это Фогерен сам додумался.

— Что делать, именно такая одежда наиболее удобна в дальней дороге. Вы ведь придерживаетесь того же мнения, — я кивком головы указал на его собственный костюм. — К слову, я тоже о вас раньше не слышал и ваше лицо мне не знакомо... Во всяком случае, не стоит предъявлять претензии нашему гостеприимному хозяину. Он всего лишь попытался помочь нам обоим, исходя из того, что мы сами ему сообщили. Впрочем, ездить верхом и обращаться с оружием я действительно умею.

— Не скрою, меня вполне устроил бы обычный наемник. Еще одна пара рук, способная держать оружие. Но... Наш общий друг Барен сумел меня убедить, что человек, сумевший пройти в одиночку по Змеиному тракту, может пригодиться мне больше, чем просто еще один солдат. Против этого я не нашел что возразить. Все же... Почему вы намерены наняться ко мне на службу?

— Не намерен, — парировал я, — но более подходящего способа составить вам компанию хотя бы до Мелаты не вижу.

Фогерен расхохотался:

— Все-таки жаль, что вы не подвернулись мне раньше — подозреваю, вы прекрасно смогли бы уболтать того законника, который... — он не договорил, натолкнувшись на укоризненный взгляд маркизы.

«Который вручил мне предписание императора убраться из столицы в родовое поместье» — мысленно закончил я его фразу, опираясь на уже известные мне крохи информации. Не думаю, что я сильно ошибся с формулировкой. А вот про меня барон выразился еще точнее. Я слишком разговорчив для простого «солдата удачи». Прокол первый, но наверняка не последний. Хорошо хоть, не слишком явный. Барон поднимает глаза вверх, видимо, что-то обдумывая, и, наконец, говорит:

— Хорошо, Таннер. Вы... составите мне компанию. Пока до Мелаты, а там посмотрим. То есть я беру вас на службу. Естественно, после того, как вы покажете, на что способны.

Не знаю, что бы он еще сказал, но в этот момент в дверь постучали и оттуда донесся голос Альдреса. Барен вышел. Из-за двери донесся шепот парня и голос Медведя:

— Он так и сказал?

Хальд вернулся в комнату и, обращаясь к Фогерену, проговорил:

— Господин барон, прошу прощения, но к вам прибыл гонец от...

— Я знаю, от кого, — прервал его Фогерен, — я ждал этого письма. Таннер, — повернулся он ко мне, — вернитесь к себе. Если вы понадобится, вас позовут.

— Да, господин барон.

Я поднимаюсь и спокойно иду к выходу. Мне, конечно, любопытно, что там за письмо, но я теперь не сам по себе, а на службе, одним из условий которой является отсутствие проявлений того самого любопытства. Ну, то есть почти на службе. Если барон сочтет нужным что-то мне сообщить — хорошо, нет — его право. Даже если это письмо является истинной причиной того, что барон до сих пор не покинул это место — мне-то какая разница? Четыре из трех за то, что отправителя я не знаю и даже никогда о нем не слышал, а содержание письма не имеет ко мне никакого отношения, а главное, оно наверняка отправлено до того, как я постучался в ворота постоянного двора.

Потом ко мне постучался Альдрес. Парень принес обед, пояснив, что так распорядился барон. Мол, там прибыли какие-то торговцы — сразу два больших каравана, один из Гинзура, другой из Мелаты, почти одновременно, едва успели разместить одних, как появились другие, до темноты вполне может появиться кто-то еще, и все они, конечно, останутся ночевать. А господин барон считает, что будет лучше, если меня не увидит никто посторонний. Никто не увидит? Я задумался. Считая уже уехавших монахов, купцов и наемников, меня уже видели здесь минимум три десятка человек. Правда, купцы и монахи не имели понятия, кто я, откуда и зачем — если вообще обратили на меня внимание. С наемниками хоть и познакомился, ничего важного о себе не сообщил. Для них я всего лишь не слишком близкий, но добрый приятель. Точнее, щедрый. Они тоже не в счет. Для них новость о том, что я поступаю на службу к барону, ничего не изменит. Наоборот, стану для них ближе и понятнее — теперь я такой же, как они, наемник. Барен, думаю, в своих людях уверен — даже в тех, кто ему не родственник. Да и вряд ли кто-нибудь из них — кроме Альдреса — в курсе нашего с бароном договора. Кого же мне тогда опасаться, если не оглядываться на нечто, скрытое в тумане? Проезжих купцов? Случайных путешественников? Скорее, кого-нибудь из свиты барона или маркизы. Нет, конечно, среди вновь прибывших могут быть агенты врагов Фогерена, отслеживающие барона и его людей, то есть теперь и меня. Но я бы не стал надеяться на случайную встречу в чистом поле, а внедрил бы своего человека в окружение моих нынешних хозяев. Все же вряд ли это кто-то из людей барона. Засланец в окружении маркизы более вероятен. Впрочем, не будем спешить, пока я ни с кем из них не знаком. Кроме того, у меня есть и другие проблемы.

Когда Альдрес вернулся за посудой, я попросил его позвать Барена, когда тот будет не слишком занят. Медведь освободился часа через два — я даже успел задремать.

— Тебе что-то нужно? — спрашивает он, усевшись на стул с усталым, но довольным видом. Надо думать, у него день сегодня удался.

— Только поговорить.

Брови Медведя изгибаются в неприкрытом недоумении.

— В смысле?

— В смысле, если ты не занят, то я хотел бы с тобой поговорить.

— А если занят?

— Тогда — когда ты освободишься.

— Что, в трех словах не передать?

— Нет.

— Ладно, — говорит Хальд, поерзав на стуле, — о чем речь?

— Что ты увидел в том тумане... благодаря своему дару?

— Ты о чем?

— Не о чем, а ком. Обо мне. Почему ты впустил меня? Нет, я конечно, готов поверить, что лишь по доброте душевной... Ладно, проехали. Это не самое важное. Лучше объясни, почему ты уговорил барона взять меня на службу?

— С чего ты взял, что...

— Прости, но я слышал ваш ночной разговор в коридоре. Не напрягайся, лишь малую его часть, и, думаю, не самую ценную — ты и маркиза говорили слишком тихо, а барон больше молчал. Но я услышал достаточно, чтобы понять, что он далеко не сразу возжелал меня нанять.

Медведь смотрит мне в глаза и, явно с большой осторожностью подбирая слова, сообщает:

— Таннер, ты мне нравишься. Я тебя не знаю, но чувствую, что ты хороший человек. Надежный. Если бы ты решил остаться, я был бы рад. Честно. Я бы даже отдал за тебя свою младшую... Со временем. Если бы...

— Почему не старшую? — мои губы сами растягиваются в улыбке.

— Так у Маргеты жених уже есть, — ответно усмехается Хальд. Я прямо чувствую, как его отпускает напряжение. — Сын мельника из Уречья — это ближее село по Гинзурскому тракту. Пешему — полдня пути. Конному, конечно, меньше... Парень хороший, работающий. Отцовское дело унаследует. Уже этой осенью замуж бы отдал, да мельникова жена в конце весны померла — решили свадьбу на следующий год перенести, негоже похороны со свадьбой совмещать. Поженятся — Маргета к нему переедет, такой уж уговор у нас. Не пришлось бы нанимать кого — Мальгита мала еще, чтоб за двоих справляться. Альдрес, чувствую, пока не очень-то тверд в желании мое дело унаследовать. У меня еще один сын есть — старший, Альгис, но он и вовсе как отрезанный ломоть — выбрал военную службу. Сотник уже, в имперской пехоте. Договор у него только через пять лет кончится, так что даже если вдруг передумает служить дальше, вряд ли раньше вернется. Сам понимаешь, если Альдрес не захочет здесь оставаться, дело мое зятю достанется, когда Мальгита замуж выйдет. Или и вовсе продавать придется.

Теперь понятно, почему я старшей дочке Хальда не приглянулся. Она уже мысленно мебель в своем будущем доме расставляет. Ладно, вернемся к основному вопросу.

— Ясно. А зачем ты меня барону сосватал?

— Ну... ты же сам говорил, что хочешь ехать дальше, а я подумал, что это будет лучше, чем тем, к примеру, сегодняшние купцы. И коня заимеешь, и оружие, и заплатит щедро. И риска, как по мне, меньше. Барона я хотя бы знаю, причем не первый год, а мой отец знал его отца. А взять хотя бы этих купцов — хоть и не первый раз вижу, но ручаться за них не могу. Я ж с ними редко больше чем десятком фраз перебрасываюсь. Кто знает, что за люди, что у них на уме? Что, откуда и куда везут? И это в самих купцах мог бы что-то почуять, с ними-то я здоровался, говорил... А при них же куча народу, к каждому не подойдешь, а не всякого можно издали почуять. А что до тебя... Нет, ничего я в том твоём тумане не разглядел. Больше похоже, будто неделю назад у тебя и не было за плечами ничего, понимаешь? Словно обрыв там в тумане или, наоборот, каменная стена... Не видел такого ни у кого. Обычно за каждым

человеком словно лес — устремления, воспоминания, страхи, радости, а тут... Ну не родился же ты неделю назад, верно? Чудно и непонятно. Даже на Змеиный тракт такое списать трудно. Но это дело прошлое. А вот что ты за человек сейчас — вижу. Мне не враг. Барону не враг. Больше того, сдается мне, если ты с ним поедешь, твоя удача и его прикроет. В чем удача — не скажу, не знаю потому что. А что с тобой было прежде...

— М-да... Заковыристо.

— Вроде того.

Пауза. Медведь смотрит на меня, словно спрашивая: мол, это все? И я решаюсь:

— Слушай, Хальд, а ты не мог бы меня слегка просветить?

— Э-э-э...

— Понимаешь, я ведь до сих пор... Ларинью не покидал, и всего того, чем жизнь в остальной империи отличается, не знаю. Пробелов в моих познаниях полно. А выглядеть идиотом не хочется.

— Вот ты про что... Ладно, — встает он со стула, — сейчас у меня дел много, а вечером я к тебе зайду. Поговорим. Просвещу тебя, так и быть. Мне же спокойнее будет, хе-хе.

Он уходит, а я, закрыв дверь, еще раз перебираю свои вещи — в надежде на новые подсказки. Зря. Тишина и пустота.

Примерно через час ко мне стучится телохранитель барона — тот, чернявый, что стоял у стены. Его зовут Хонкир, примерно моих лет или даже немного моложе, чуть ниже меня ростом, и он действительно попутно исполняет при Фогерене обязанности слуги. Его напарник Киртан — тот, что прикрывал барона — сейчас спит, ему предстоит бодрствовать ночью. Насчет него я не ошибся, Киртан отвечает исключительно за вопросы охраны.

Остаток дня уходит на получение оружия, снаряжения — и знакомство с конем, которому предстоит довезти меня до Мелаты. Хотя сначала пришлось продемонстрировать барону, что я умею. Судя по всему, он остался доволен тем, как я обращаюсь с оружием, да и с конем тоже, и тем, как я отреагировал на внезапную атаку Киртана. А вот я никак не мог отделаться от вопроса — где это я учился драться? И как это вписывается в придуманную на ходу легенду? Навыки охотника и следопыта это одно, но рукопашный бой?

Как я и предполагал, у барона Фогерена уже имелся третий телохранитель. Но в лесу между тем самым селом, где обитал будущий зять Хальда, и постоянным двором барон и его спутники напоролись на бандитов. Вот только нападавшие не знали, на кого нарвались. Бедолаги. То, что их было вдвое больше, им не помогло. Единственным их успехом стало ранение того парня, чье место мне предстояло занять — для него же путешествие закончилось, он вернется в замок барона, когда лекарь разрешит его перевозить. Подозреваю, впрочем, что барон больше сожалел, что некого было после стычки спросить — ждали бандиты именно его или им было все равно, кого грабить. По крайней мере, Хонкир сказал, что взять в плен никого не удалось — кого не убили, тот сбежал.

Со скакуном по кличке Тран я нахожу общий язык почти сразу — хотя еще вчера сомневался, что правильно себе представляю, с какой стороны нужно подходить к лошади. Но едва я кладу руку на его шею, а он отвечает недоуменным фырканьем, как чистый лист в моей памяти оказывается заполненным в несколько слоев — наверное, теперь мне о лошадях известно больше, чем знает Хальд и все его гости вместе взятые. Причем это не только теория — слова и картинки из толстых книжек, которые просто сумел заучить, это и навыки, и какие-то хитрости, и многое из того, что обычно просто умеешь или делаешь интуитивно, не умея объяснить словами.

Но вот мышцы вспоминают не так быстро. К тому часу, когда горизонт начинает отгрызать от солнца первые кусочки, я чувствую себя уставшим больше, чем после забега от рухнувшего моста, и едва помню о разговоре, о котором сам просил Барена.

Ужин, как и обед, Альдрес приносит мне прямо в комнату, а потом забирает поднос с посудой. Впрочем, накануне ни Киртана, ни Хонкира не было в общем зале, так что ничего особенного в этом не вижу. Барон меня к себе не приглашал — хотя о чем он мог бы со мной говорить? Ведь я для него — по крайней мере пока — всего лишь слуга, охранник, но никак не близкий друг или помощник. Да и нет у меня задачи стать для него таким человеком. Если он завтра забудет со мной поздороваться, я переживу.

Я наконец зажигаю в комнате свет, и тут раздается стук в дверь. Это Хальд, который не забыл о моей просьбе.

Увы, разговор получился довольно бестолковым даже для первого раза. С одной стороны, прямо сказать, что не знаю, по сути дела, ничего — если не считать откуда-то вылезающих в нужных момент подсказок — я не решался. С другой — а что мог спросить настоящий житель далекой провинции, никогда в метрополии не бывавший?

Следующие два дня прошли почти одинаково. Возился в конюшне, учился обращаться с доставшимся от невезучего предшественника оружием — саблей, арбалетом, двумя пистолетами и кавалерийским карабином.

Киртан и Хонкир попеременно несли дежурство в покоях барона. Маркизу тоже охраняли двое слуг — одинаково высокие, стройные, подвижные. Но вот сходства в лицах и цвете волос у них не было, так что я быстро запомнил, что шатена зовут Тиленом, а брюнета Ксивеном, и Ксивен явно старше меня, а вот Тилен, похоже, мой ровесник. На фоне Киртана с Хонкиром эти двое выглядели даже слишком изящно и на цепных псов не тянули, но первое впечатление было обманчивым — и рассыпалось, едва нам пришлось померяться силами на заднем дворе. Парни уступали телохранителям барона разве что в рукопашном бою да махании саблей, зато Ксивен замечательно орудовал кинжалом, а Тилен был лучшим в стрельбе из пистолета. Мои результаты оказались заметно скромнее — я ведь если и тренировался, то в той части своей жизни, которой не помнил. Лишь Ксивена мне удалось сбить с ног в поединке без оружия, и то, по-моему, случайно. Зато меня вываляли в пыли все четверо. На саблях вышло еще хуже — только против того же Ксивена мне удалось продержаться дольше минуты, прежде чем он выбил у меня клинок, у остальных это получилось еще быстрее. Когда же в моих руках оказался пистолет, то я ни разу не попал с тридцати шагов в центр мишени, и даже всадил одну пулю ниже ее края — пуля застряла в опоре. Наименее позорно выглядела стрельба из арбалета — лучше меня им владел только Хонкир. Увы, намного лучше. Но Фогерен почему-то остался доволен.

Потом Хонкир объяснил мне, почему. По его словам, без оружия против Киртана дольше мог продержаться только он сам, и то потому, что знает слабые места напарника. И в этот раз он дал мне куда меньшую фору, чем в нашем пробном поединке. А слуги маркизы просто двигаются хорошо, потому как танцами занимаются — и по воле госпожи, и самим им нравится. Но все же это Тилену повезло против меня устоять, а Ксивен никак не случайно на земле оказался — в рукопашной он слаб, просто умело это скрывает. Сабля же дело наживное, а задатки у меня есть, и получше, чем у слуг маркизы, уж барон-то в этом разбирается. Что до стрельбы из огнестрельного оружия — то, по его мнению, для человека, впервые державшего пистолет в руках если не как вид оружия вообще, то хотя бы как конкретный образец, это был прекрасный результат. Если мне пристрелять этот ствол как следует, то очень скоро я буду дырявить мишень не намного хуже Тилену, а лучше этого парня стреляет только барон. А уж в драке порой достаточно успевать стрелять в сторону противника. Я не был уверен в том, что смогу сравняться с телохранителем маркизы так быстро, как говорит Хонкир, если вообще смогу, но... кто знает?

Волновавший меня вопрос о том, как я могу подтвердить, что я тот, за кого себя выдаю, не имея никаких документов, был решен до удивительного просто — Фогерен, когда до него дошло, о чем я говорю, хмыкнул, потом просто взял лист бумаги и написал, что «предъявитель сего Шай Таннер» состоит у него на службе. Этот незамысловатый текст закреплялся витиеватым росчерком и вдавленным в лист контуром баронского герба, украшавшего перстень-печатку. Сразу же полиловевшим, надо сказать, контуром. Не знаю, что это было — магия или старания местных химиков, но результат внушал уважение. При всей примитивности это было вполне реальное удостоверение личности. И если я не вляпаюсь во что-нибудь серьезное, эта бумажка замечательно снимет вопросы, способные возникнуть у какого-нибудь чиновника или стражника к моей скромной персоне. Вспомнившийся при этом забавный стишок про бумажку, способную сделать из мухи полноправного гражданина, я озвучивать барону не стал — мало ли какие ассоциации у него бы возникли. Особенно учитывая то, что стих сей не на аларийском.

От разговоров со мной свежеиспеченные сослуживцы не уклонялись, но и особо не откровенничали. К охране хозяйских покоев меня тоже не привлекали. Понятное дело — прежде никому не встречался, никто обо мне не слышал, одного ручательства Барена мало, к тому же наняли меня, собственно, на переход до Мелаты, дальнейшая моя служба пока под вопросом. Здесь, на постоялом дворе, и эти двое не особенно напрягаются. Так что пока мы не в пути — нужды меня дергать нет.

В итоге свободное время у меня имелось в избытке. Я разговаривал с Альдресом, его сестрами, слугами Барена, да и сам Хальд заходил вечером и обстоятельно отвечал на мои вопросы, да еще и делился книгами из личной библиотеки. К слову, она у него была немаленькая. Вполне можно набить голову массой полезной информации.

Постепенно мозаика мира заполнялась новыми деталями. На большом календаре, висящем в общем зале и изготовленном явно типографским способом, значится 1114 год Эры чистого неба, идет вторая неделя красеня, первого месяца лета. Империей уже одиннадцать лет правит Антар Третий, взошедший на трон после смерти своего отца, тоже Антара, но Второго, который умер через семь лет после окончания столько раз упомянутой войны за Ларинью. Войны, которую Алария вела с другой империей, Аркайской, что раскинулась за теми самыми горами на севере, подальше от которых я почему-то так хотел убраться.

Когда я впервые услышал имя нынешнего императора, то почувствовал несоответствие его порядкового номера моим ожиданиям. То есть я был готов услышать, что на троне сидит Антар из Армарской династии, но почему-то ожидал, что он будет не третьим обладателем этого имени, а первым или, самое большее, вторым. Выбрав, как мне показалось, подходящий момент, полюбопытствовал о судьбе отца и деда нынешнего императора. Как оказалось, Барен увлекался историей империи и о тех временах знал довольно много. Медведь немного удивился моему интересу, но охотно объяснил, что Антар Первый, если он не ошибается, умер еще когда самого Хальда не было на свете, а меня и подавно. Ну да, если нынешний властитель правит уже не первый год, его отец сидел на троне дольше, чем действующий император прожил на свете, а дед тоже носил корону почти полвека, то среди ныне живущих вряд ли отыщется тот, кто помнит даже окончание правления первого из Антаров, не говоря уже о его начале. Вот только когда Хальд перешел к правлению Антара Первого, мне едва не стало плохо. По ходу его рассказа в моей памяти всплыл целый ряд деталей, которых Хальд почему-то не упомянул, при этом мне почему-то казалось, что некоторые его сведения и оценки... звучат, как пресловутая «официальная версия». В моем представлении все выглядело чуть-чуть иначе. Словно мне обо всем этом рассказывал когда-то не алариец, а кто-то, скажем, из Итангера, с Олорских островов, из степных королевств или, не приведи судьба, из Аркая. Или откуда еще... хотя — откуда еще-то? Но самое тревожное было не в этом, а в том, что в потоке невесть откуда

вываливающихся подсказок нет ничего о войне с аркайцами. Вообще. И спрашивать прямо опасно — как уроженец края, который эта война превратила в кучи камней и горы пепла, не знать о ней я просто не могу. Даже если моя оценка собственного возраста не слишком точна, мне все равно было достаточно много лет, чтобы война смогла оставить в моей памяти неизгладимый след. Но вот не было этого следа. Даже у человека, пережившего сильнейшее потрясение и нашедшего спасение в том, чтобы все начисто забыть, в памяти должно остаться больше, чем у меня. А тут — ни слова, ни образа, ни чувства.

А вот Барену о войне было что вспомнить. О боях, жизни в «полевых условиях», вылазках во вражеский тыл он рассказывал довольно охотно, но время от времени мрачнел и замолкал, что-то вспоминая. Потом все же рассказал — что.

Оба его сына родились еще до войны, старшая дочь — в самом начале. Понятное дело, когда началась мобилизация, Хальда тоже призвали — в армии он по молодости положенные три года отслужил, на здоровье не жаловался. Приехал на побывку — и только тут узнал, что жена его погибла от случайного осколка при обстреле. Прорвавшиеся через Ларинью аркайцы дошли как раз до этих мест, прежде чем подросла имперская армия. Трое малышей остались на попечении родителей Хальда — сам он вернулся в полк. Старики его умерли в третий послевоенный год, один за другим — тяжелое было время. Вскоре Хальд женился снова, родилась Мальгита. Но опять судьба пожалела ему счастья — дочка едва начала ходить и разговаривать, когда жена уехала проведать родителей и пропала. Уехала с возвращавшимся из Мелаты дядей — казалось бы, ничто не предвещало беды. Когда оговоренный срок прошел, Хальд, ни о чем таком не подозревая, поехал за женой. И тут выяснилось, что до родительского села жена его так и не доехала. Проехать мимо она не могла — никакой другой дороги там нет, кто-нибудь да заметил бы. Дядя, живший в соседнем селе, тоже дома не объявился. Поиски, в которых приняли участие все мужчины из обоих сел, ничего не дали — даже пуговицы не нашли.

Проезжий маг, направлявшийся в Гинзур, согласился помочь. Особенно после того, как узнал, сколько родственники пропавших готовы заплатить за хоть какие-нибудь сведения. Он даже поехал по той же дороге, звеня амулетами и бормоча заклинания. Барен тогда следовал за ним, что называется, на пределе видимости — подъезжать ближе маг запретил — и в какой-то момент отвлекся. А когда снова посмотрел вперед, то увидел лишь испуганно мечущуюся лошадь. Самого мага нигде не было. Он появился на постоялом дворе три дня спустя, грязный, оборванный, шепчущий какой-то бред, трясущийся от озноба — это в жару-то, — весь в синяках и порезах. Спешно вызванный лекарь лишь развел руками. Медицина, мол, бессильна. Хальд начал готовиться к тому, что незадачливого волшебника придется хоронить, но неделю спустя тот внезапно открыл глаза. И уехал не то что в тот же день — в тот же час, отказавшись от еды и вернув Хальду полученный задаток — весь, до последней монеты. Как он умудрился его сохранить, оставалось только догадываться. Говорить о том, что с ним случилось, маг отказался наотрез. Сказал только, что пропавших нет в живых и лучше Хальду их не искать, если не хочет сгинуть сам. И умчался почему-то обратно в сторону Мелаты, даже не вспомнив о том, что ехал в Гинзур, причем не просто так, а по приглашению какого-то богатого заказчика. Медведь подозревал, что и в Мелате он не задержался. Заехав в город по делам спустя несколько месяцев, он выяснил, что маг был, что называется, настоящий, каких мало — и если б не его неуживчивый характер, вполне мог бы стать одним из первых лиц в местном магическом сообществе. Осознав, что случившееся на дороге вовсе не дурацкий розыгрыш, Барен предпочел прислушаться к совету волшебника. Поиски прекратили, через положенное законом время пропавших признали умершими, а Хальда — вдовцом.

Хотя в смерть жены Хальд поверил почти сразу, больше он так и не женился. Хозяйство и дети занимали все его время. Да и некому было уговаривать Хальда найти себе новую спутницу жизни...

Медведь замолк. Влезать в душу человеку так глубоко я не стремился и, решив сменить тему, поинтересовался — почему дорога из Лариньи совершенно пустынна? Ну ладно, деревень нет. Но хоть бы постов наставили, по одному на день пешего пути. Для этого ведь целую армию держать не надо.

Хальд лишь пожал плечами. По его мнению, все объяснялось просто. Сейчас опустошенная Ларинья — для империи просто буфер на случай нового вторжения. Вскоре после войны где-то в срединных провинциях нашли новые рудные месторождения, богатые и не так глубоко залегающие, и ценность ларинийских шахт упала почти до нуля. Сентеру война затронула меньше, но несколько неурожайных лет подряд вынудили многих сельских жителей податься в города, чтоб с голоду не помереть. Вон, в селе, откуда родом была его вторая жена, чуть ли не каждый второй уехал. Немало домов стоит с заколоченными окнами. Зато, говорят, в тех же Мелате и Гинзуре население выросло в несколько раз. Даже Норос — главный город Сентеры — и тот разросся, хотя и от моря далек, и от главных торговых путей, и железный путь к нему только в прошлом году дотянули.

Я посмотрел на него повнимательнее — а ведь Медведь не так уж прост. Для хозяина постоянного двора, пусть и повоевавшего, и повидавшего не только соседние деревни, и уважающего образование, и даже имеющего какой-никакой магический дар, все равно в таких вещах он разбирается слишком хорошо.

Интересно, а барона он знает только как представителя местной знати да своего клиента? Что-то мне не очень в это верится — особенно в свете того случайно подслушанного разговора.

В дверь стучится Альдрес. Кто-то приехал. Вовремя. Как по мне, так на сегодня я услышал более чем достаточно. Бросаю взгляд на окно — а ведь солнце уже почти село, еще немного — и по неписаным местным правилам ворота не открыли бы, наверное, даже императору.

Запоздалым гостем оказывается тот, ради кого барон Фогерен злоупотребил гостеприимством Хальда. Граф Унар Урмарен. Графа сопровождает целый эскорт, включающий не только телохранителей и слуг — половину его составляют личности, роль которых определить с ходу не получается. Я вижу графа лишь мельком — барон сразу же отправляет меня и Киртана спать, предупредив, что утром мы двинемся в путь — но этих мгновений хватает, чтобы граф мне не понравился. Не только своими манерами и тембром голоса. В его взгляде было что-то такое... знакомое. Почему-то неприятно знакомое. Хотя что — так и не вспоминается. Ладно, может, потом...

Засыпаю я неожиданно быстро, даже не успев подумать о чем-то другом.

Утро начинается с суеты, стремительно набирающей обороты. Завтрак — опять в комнате, сбор на заднем дворе, еще одна проверка трижды накануне проверенного снаряжения — и вот я уже обнимаюсь с Хальдом и Альдресом на прощание и машу рукой младшей дочке Барена, несмело выглядывающей с кухни. Кто знает, может, еще свидимся.

Все прочие постояльцы Хальда уехали с восходом солнца. Хорошо. Нет лишних глаз, не надо ни от кого отворачиваться. Да и отбыли они все в сторону Гинзура — то есть мы их не нагоним по дороге. А это еще лучше.

Хонкир удивленно косится на мои мешки, притороченные к седлу. Наверное, не догадывался, сколько я всего намерен прихватить с собой.

— Ты что, харчами до самой Тероны затарился? А не протухнет?

— Я вот думаю — хватит ли до Мелаты, а ты уже про столицу загадываешь.

— А по тебе не скажешь, что ты пожрать горазд, — ухмыляется Хонкир. Справедливости ради надо сказать, что у него с Киртаном или у телохранителей маркизы мешки ненамного скромнее моих. Только парни служат давно, а я лишь несколько дней. И поступил на службу, как бы ничего не имея — ни коня, ни оружия. Логично предположить, что и с остальным у меня сложности — в том числе с деньгами. И затариться я мог разве что едой в дорогу — и

то лишь благодаря доброте Хальда или щедрости барона, а вовсе не благодаря содержимому собственного кошелька.

А ведь было бы здорово, если бы всем и дальше всерьез казалось, что в моем багаже нет ничего стоящего, кроме продуктов и обычного снаряжения. Если Хонкир и прочие мои попутчики не будут даже в шутку допускать, что там может быть что-то ценнее куска вяленого мяса и горсти ружейных патронов, мне же проще и спокойнее.

И тут я ощущаю на своем затылке чей-то внимательный взгляд. Осторожно оборачиваюсь, стараясь ничем не выдать охватившей меня тревоги. Но все заняты своими делами, никто вроде бы не смотрит в мою сторону. Вроде бы... Нет, точно. Маркиза? Что ее-то заставило так поспешно отвернуться? Барон, выходящий из дверей в сопровождении Хальда? Может быть. А тип из свиты графа, одеянием похожий не то на монаха, не то на колдуна? Которого, кажется, не пришлось пока видеть с откинутым капюшоном. По крайней мере, под открытым небом и при солнечном свете. Что это он там разглядывает на седле своего коня? Или мне все-таки показалось?

Зычный голос барона разносится над двором, отодвигая мои подозрения куда-то в уголок сознания. Пора. Крики, храп и ржание коней, стук копыт... Обычный набор звуков, знаменующий видимое начало пути. Несмотря на эту какофонию, никто ни с кем не сталкивается — всадники, словно части одного большого организма, устремляются к распахнутым воротам. Явливаюсь в этот поток, направляя Трану вслед за конем Хонкира. Наша кавалькада проскакивает мостик через ров и вытягивается по тракту в сторону Мелаты. В авангарде скачут четверо бойцов из эскорта Урмарена, занимая всю середину дороги, потом сам граф и рядом с ним барон и маркиза. Края дороги прикрывают, периодически перестраиваясь, Киртан, Хонкир, я, телохранители маркизы и, опять же, люди графа. Позади нас держатся служанки маркизы, двое слуг графа — именно слуг, а не мастеров на все руки, вроде Хонкира, — потом тот неприятный тип в балахоне с капюшоном, графский лекарь, еще несколько малопонятных личностей и снова солдаты Урмарена.

А неплохой эскорт у графа. Двенадцать человек бойцов. И вряд ли никто из остальных шестерых не сможет в случае чего взяться за оружие. Интересно — зачем ему столько народу? Статус обязывает, просто любит пугать окружающих или чего-то опасается сам?

Откладываю этот вопрос на потом — все равно сейчас на него никто не ответит — и вспоминаю о служанках маркизы. Наконец-то можно их разглядеть. Как-то не пришлось с ними сталкиваться в эти несколько дней. Довольно симпатичная чернявая девица одних лет со старшей дочкой Хальда и дама вдвое старше девицы, с лицом, знающим два выражения — либо каменное, либо кислое. Нет, лучше на них не смотреть.

Тракт пуст. Никто не едет навстречу, а нагонять мы вроде как никого не должны. Мимо проплывает очередной столб с гербом и цифрами на стрелках указателей, оповещающая, что еще одна тига осталась позади. Оглядываюсь — постоянный двор Барена уже едва виден. Лес тем временем подступает все ближе к дороге, которая понемногу забирает вправо, отодвигаясь от него, как скромная девица от нахального кавалера.

Хальд говорит, что в эту сторону до ближнего села тиг тридцать — то есть пешему целый день ходу. Правда, сказав это, тут же добавил, что лично он не знает никого, кто проверил бы это на себе, а не просто рассчитал. Сам, мол, не ходил ни разу — только ездил. Да уж, пятую тигу отмеряли, а признаков жилья в пределах видимости никаких. Лес с одной стороны дороги, высокая трава, скрывающая пологий холм, — по другую. Даже не скажу, где тут засаду удобнее устраивать. В лесу легче укрыться от ответного огня, да и драпать в случае чего удобнее. Зато в траве можно спрятать полсотни стрелков, необязательно с винтовками, можно и с арбалетами, главное — жхнуть всем сразу более-менее прицельно, и тогда ни у кого из нас не будет шанса даже выстрелить в ответ. Впрочем, не стоит о грустном, а то и накаркать можно. В таком темпе

ехать нам до того самого ближнего села, не запомнил его названия, еще часа три-четыре. И будет лучше, если в эти четыре часа мы никого не встретим. Вообще.

Нет, ну надо же. Девушка решила проявить благосклонность. То есть тракт сам начал заворачивать ближе к лесу. Причиной тому была немалых размеров впадина, очень давняя, но почему-то до сих пор не ставшая озером. Ехать по ее краю было как-то... Неуютно. Если в лесу кто-то нас ждет, то нам его не видно, зато сами как на ладони и прятаться негде.

Однако чувство опасности с необъяснимым равнодушием дрыхло, не разделяя моих умозаключений и ехидно насмехаясь над исполненными мрачной решимости рожами графских бойцов. Чего, мол, так напрягаться.

Так ничего и не случилось. Даже погода не испортилась. Еще засветло доехали до села. Выглядело оно так, словно война кончилась лишь месяц назад. Называлось село Серые Мхи — если верить давно не подновлявшемуся указателю у крайнего дома. В Серых Мхах заночевали. Местный постоялый двор был скромнее и грязнее владений Медведя, хозяин же напоминал какого-то жука — скользкого и вонючего. Ничего общего с Хальдом. Неудивительно, что те, кто мог хорошенько разогнаться, предпочитали проскакивать мимо этой унылой дыры и останавливаться у Барена. Однако мы не проскочили. Интересно, почему? Кто-то с кем-то должен встретиться? Хотя какая разница? Главное, чтобы мы здесь не задержались дольше, чем на ночь. Хорошо хоть ограда у этого постоянного двора не выглядит простой формальностью. Приличный такой частокол, хоть и пониже, чем у Медведя.

Лично мне сразу захотелось воздержаться от знакомства со здешней кухней, хотя хозяин разве что не распластался по полу, когда граф с бароном ступили на порог. Все же еда оказалась неожиданно приличной. Хонкир, более прочих откровенничавший со мной, шепнул, что однажды этот мудак попытался смухлевать, не зная, как барон Фогерен относится к своим людям. И был превращен бароном лично и без долгих церемоний в один большой синяк. Хонкир выразил уверенность, что у здешнего трактирщика и сейчас все начинает болеть, стоит лишь барону на него глянуть.

После того, как нас разместили, меня позвал Киртан и очень тихим голосом поставил задачу. Сводилась она, в общем-то, к тому, чтобы поболтать в столовом зале. Понаблюдать за гостями, послушать, о чем говорят. Ну да, меня здесь прежде никто не видел... наверное. Одет я не так, как слуги барона или графа, никакого герба на груди или шеврона на рукаве нет. Даже если кто обратил внимание, что я приехал с ними, то вряд ли решит, что я член команды, а не простой попутчик. Ведь я даже в разгрузке багажа не участвовал. И конь мой стоит отдельно, хоть и рядом, да и о корме для него я договаривался сам.

Заказав ужин, успеваю занять столик, имеющий чрезвычайно удобное положение. В этом углу не слишком светло, зато мне видны все входы и выходы, да и большую часть разговоров можно услышать без особых усилий. Благо, шепотом здесь никто почти не разговаривает, да и зал поменьше, чем у Барена. Разговоры, впрочем, ведутся самые обычные. Я все же слушаю, старательно запоминая имена и названия, даты, цифры и описания. То, что это не нужно барону или графу, не значит, что это не пригодится мне. Где-то часа через два, когда от шума, сытной еды и неплохого вина меня начинает понемногу клонить в сон, а в зале становится заметно тише, я замечаю одного из тех невнятных типов из графского эскорта. Но сейчас на нем нет его широкополой шляпы. Только плащ, под которым без труда можно спрятать и саблю, и пистолет. Макушка обрита наголо, под носом густые усы и коротко подстриженная борода. Он тоже выбрал стол вроде моего, только тот угол казался еще темнее.

Отвлечись на выискивание в зале куда-то подевавшегося служки, едва не упускаю, как из одной из общих спален для небогатых клиентов выскальзывает тень. Парень, которого я вроде видел в зале в начале вечера, однако толком не разглядел — он сидел ко мне спиной в одной веселой компании. Одет чужак на манер купеческого помощника, но что-то мне под-

сказывает, что ножом он орудует куда лучше, чем считает мешки с мукой. Он подсаживается к типу в плаще, обменивается с ним парой фраз. Лысый кивает, и тут же к ним присоединяется третий гражданин, в котором я узнаю еще одного из графских «попутчиков». Причем возникает он как-то совершенно внезапно. Но за столом не задерживается, а идет к лестнице, ведущей вверх. Чужак следует за ним.

Любопытно, что может связывать этого парня с графом? Но мне не должно быть до этого дела. Мне нужно сидеть здесь и ждать полуночи, а потом идти спать в снятую мной самим комнату. Если, конечно, ничего не случится.

Лысый внезапно поворачивается в мою сторону и вдруг улыбается широко и дружелюбно. А через мгновение улыбка исчезает с его лица, а взгляд снова оказывается направлен куда-то в пространство. Ни дать ни взять, обычный засидевшийся постоялец. Что ж, если он хотел меня озадачить или хотя бы прогнать с моего лица выражение сонной одури, то ему удалось и то, и другое.

Я уверен, что он досидит до возвращения чужака или сигнала от кого-то из своих, но тип в плаще уходит примерно за час до полуночи, причем выглядит все так, словно просто дождался назначенного времени, но не дождался приятеля или клиента. Чужак так и не спустился вниз. Или остался наверху, или ушел другим путем. Когда тип в плаще покидает свой укромный уголок, в зале еще остаются семеро гостей, явно маявшихся бессонницей. Потому как все, кому предстояло выезжать на рассвете, уже давно дрыхнут. Когда большие часы над стойкой начинают отмечать полночь приглушенным расстроенным звоном, я делаю вид, что они меня разбудили, и неспешно направляюсь к себе — так, что те, кто еще оставался в зале, уходят вперед меня, и лишь я слышу недовольное бормотание служки, убирающего грязную посуду.

Утром наш конвой трогается дальше. Скорее, довольно поздним утром — похоже, следующая остановка должна быть не слишком далеко. С согласия графа следом пристраиваются какие-то торговцы. Семь здоровенных фур, запряженных четверкой лошадей каждая. Десяток верховых с саблями и арбалетами, да и рожи у них никак не купеческие. Ну, и при каждой фуре не меньше двух человек, и у троих в руках было что-то похожее на ружья. Оружие явно не армейское, попроще, но все же не кол из огады. Граф, надо думать, дал добро на случай нападения «обычных» бандитов, а не охотников за конкретными головами. Бандитов, которых удовлетворят и купеческие колымаги и которые не станут преследовать нас, если мы вместо драки попытаемся скрыться. Купцы же рассчитывали, видимо, на то, что чем больше караван, тем меньше будет желающих его тормознуть.

Село скрывается из виду неожиданно быстро. Тиги через три за Серыми Мхами лес начинает подбираться к тракту с обеих сторон, и где-то внутри просыпается что-то похожее на зябкий сквозняк. Вроде поводов для тревоги нет, но все равно неуютно. Не нравятся мне эти торговцы. Их там человек тридцать — и это только тех, кого мы видели. Под тентами фур вполне может быть еще столько же — вместо части груза. И ведь что-то мне подсказывает, что никто из моих попутчиков раньше их не встречал. И пусть они по большей части не годятся нашим бойцам даже в подметки, то есть даже срочную не служили, но к дракам наверняка привычны и их много.

Спустя час поросшие высокой травой холмы окончательно остаются позади. Лес же, словно вымеряя расстояние невидимой линейкой, не подходит к тракту ближе чем на полсотни шагов. Похоже, кто-то изрядно потрудился, отодвигая его от невысокой насыпи. Вот только было это явно не вчера — придорожная полоса, когда-то на совесть выкорчеванная и грубо вспаханная, густо поросла травой и невысоким кустарником, в котором — учитывая, насколько растянулся наш караван — можно разместить немалое количество стрелков. Которые — если

что — без труда скроются в лесу. Даже сквозь траву видны груды земли, оставшиеся после огромного плуга. Любой конь ноги переломает.

Похоже, мои спутники разделяют мои опасения. Как-то сами собой стихли разговоры. Заметив, что головная фура — а за ней и остальные — приотстала, графский боец разворачивает коня. После короткого обмена любезностями с кем-то из охраны купцов он возвращается, доносятся крики возниц, фуры сокращают разрыв. То-то же.

Тракт тем временем рисует очередной загиб. Мне, едущему сейчас в середине колонны, немного не по себе от того, что я не вижу всадников в авангарде, и две последние фуры.

Подходящее место для засады, что ни говори.

И вдруг голова наполняется прямо-таки колокольным звоном. От привычки спорить с предчувствиями я избавился еще на пустоши, поэтому когда из головы и хвоста колонны почти одновременно доносятся крики и выстрелы, я хватаюсь за револьверы. Успеваю отметить краем взгляда, где сейчас барон и маркиза — граф и его люди меня не интересуют, впрочем, я уверен, что они способны за себя постоять — и тут же кустарник по обе стороны дороги ошетиливается пиками и мечами. Не меньше трех десятков особей вполне разбойничьего вида устремляются к насыпи. Просто удрать вряд ли получится, понимаю я. Придется драться. И это последняя внятная мысль, которая успевает отпечататься в моем мозгу.

Прорезь прицела совмещается с головой одного из бандитов, держащего в руках взведенный арбалет. Выстрел, лохматый верзила валится назад, взмахнув руками, арбалет кувыркается вперед, успевшая стартовать стрела вонзается в землю. Почти одновременно пуля из второго револьвера находит плечо бандита, уже натянувшего тетиву охотничьего лука. В голову я не целился, потому что до него дистанция была больше. Стрела уходит в небо, лучник с криком валится на землю. Двойной щелчок — пятизарядные барабаны проворачиваются почти синхронно. Дальнейшее я помню смутно, успеваю лишь обрадоваться, что на оставшихся в поле зрения бандитов с луками, арбалетами и каким-то древним огнестрелом хватит пальцев одной руки, у остальных в руках лишь самодельные пики и мечи, а у кого-то и вовсе колья да дубины. Ну, кто кого — качество количество или количество качество?

Барабаны быстро пустеют, револьверы отправляются в кобуры. Три пули ушли зря. Еще одна досталась левой руке своего адресата, заметно умерив его пыл. По крайней мере, я смог о нем забыть. Неплохо. Жаль, перезаряжать некогда, патронов-то хватило бы на всех. Увернувшись меча от грубой выделки, больше похожего на сильно увеличенный нож для разделки мяса, пихаю его небритого обладателя в спину — навстречу кому-то из графских бойцов, краем глаза вижу сверкнувшее лезвие, отворачиваюсь и выхватываю саблю. Вовремя — на меня с ревом прет бородач в кожаном жилете, с самодельной булавой — здоровенной дубиной, утыканной железными штырями. Грозная штука... в умелых руках. На мое счастье, бородач явно не злоупотреблял тренировками. Булава еще рассекает воздух на пути к земле, а лезвие сабли уже скользит по плечу бородача... с другой стороны шеи. Куда улетает голова, я не вижу, потому что тут же на краю поля зрения мелькает чья-то тень. Разворот, прыжок, взмах... Еще один. Ох ты ж... Пока я тут художественной гимнастикой занимаюсь, барона атакуют сразу трое бандитов с мечами-самodelками. Где Киртан и Хонкир? Рядом, конечно. Вот только заняты они — на них насаждают сразу четверо почитателей их талантов, хорошо хоть меч только у одного, двое балуются знакомыми уже булавами, но не в пример моему недавнему сопернику толковее, еще один мешает этот суп длинным колом.

Станным образом ни с кем не схлестнувшись, я за несколько бесконечно долгих мгновений преодолеваю пространство, отделяющее меня от барона и его назойливых собеседников. И очень вовремя включаюсь в их спор — Фогерен, утомив одного оппонента, не успевает увернуться от другого, лезвие вспарывает ему рукав, летят брызги крови. Барон отступая, натывается на лежащее позади него тело с графским гербом на груди, валится назад. Третий бандит с радостным воплем поднимает меч и устремляется к упавшему... И напарывается гру-

дью на лезвие моей сабли. Вытаскивать саблю обратно некогда — на меня летит тот умник, что испортил барону костюм. Подхватываю меч его подельника, еще не выпавший из ослабевшей руки. Раскручивать чужое оружие в каком-нибудь красивом фехтовальном финте некогда, и я просто втыкаю меч умнику в брюхо, едва успевая уйти в сторону от траектории его замаха...

Крики, стоны. А вот звон металла явно стихает. Вижу Киртана, помогающего барону подняться. Хонкира, сидящего на земле и придерживающего руку. Слух внезапно фиксирует возобновление стрельбы. Я оборачиваюсь и понимаю, что это уцелевшие нападавшие пытаются сбежать, а мои попутчики, наконец-то получившие возможность перезарядить оружие, старательно им в этом мешают. Я наконец-то вытаскиваю свою саблю из груди мертвеца и вытираю кровь об его одежду. Сам виноват.

Похоже, удача и правда на моей стороне.

Что удивило лично меня в первый момент — ни один конь не пострадал. По крайней мере, всерьез. Похоже, нападавшие рассчитывали если не самим ими попользоваться, то выгодно продать. С людьми было хуже. Нашей компании повезло. Барон и Хонкир отделались эффектными, но малоопасными ранами, Киртан умудрился всего лишь получить той жердью по голове, но бандит явно недооценил прочность его черепа. Впрочем, у него на это было всего лишь несколько мгновений — пока обиженный Киртан не вычеркнул его из числа живых. Меня, похоже, и вовсе ничем не задело. Маркиза подошла к нам вся растрепанная, грязная, но жутко довольная. Как оказалось, своей почти декоративной шпагой она умудрилась заколоть одного любителя женской красоты. Обладательница же кислой рожи, заполучив трофейный кол, тоже весьма успешно отмахивалась им от разбойничков и двоих-троих изрядно им приложила. Юная служанка похвастаться героическими деяниями не могла, но хотя бы не пострадала. Телохранители маркизы были перемазаны кровью с ног до головы, но я видел, что кровь исключительно чужая.

Графской свите досталось куда больше. Шестеро убитых (впрочем, половина полегла в самом начале, как я понял — их сняли лучники), трое раненых тяжело, отсутствием ран мог похвастаться лишь сам Урмарен, уже знакомый мне лысый тип, где-то потерявший свой плащ, да еще пара человек. Даже лекарь был ранен, по счастью легко. Сейчас он с человеком в балахоне, похожем на монашеский, переходил от одного раненого к другому. Раненых было много. Торговцам не повезло особенно. Не знаю, можно ли говорить, что их фуры интересовали нападавших больше всего, но там бандиты не церемонились. Добрая треть торговой братии полегла во время боя, еще трое вряд ли доживут до заката. Конных охранников выбили больше чем наполовину, из семи возниц двое уже никуда не доедут, еще трое не скоро смогут взяться за вожжи. Дороговат груз выйдет...

Впрочем, бандитам повезло еще меньше. Люди графа насчитали почти три десятка трупов. Семерых взятых в плен — все с ранениями разной степени тяжести — ждала тюрьма в ближайшем городе, суд и, скорее всего, виселица. Допрос, при котором мне позволено было присутствовать, показал, что сбежать удалось примерно десятку самых сообразительных, включая атамана.

Все могло выглядеть как случайное стечение обстоятельств, если бы один из пленных, видимо, больше других желавший облегчить свою участь, не проговорился, что несколько дней назад к их атаману приезжал какой-то чужак, которого охранял десяток наемников, и о чем-то долго говорил с атаманом. Причем пленный был уверен, что гости пожаловали со стороны Мелаты — потому что сам с товарищами встречал их на тракте. И уехали они обратно в ту же сторону. Так что нападение явно не могло быть следствием плодотворного сотрудничества атамана с владельцем так не понравившегося мне постоянного двора. Тут следовало брать выше. Вопрос — как высоко?

Спустя два часа наш конвой неспешно трогается дальше, увозя с собой пленных. Граф объявил о своем твердом намерении передать их правосудию. При мертвецах остаются трое из графской свиты и четверо из торговой братии. Как мне объясняет Хонкир (пока мы проезжаем злополучный поворот, где голову нашего конвоя встретила засада), из ближайшего села пришлют повозки, чтобы забрать тела — здесь никого закапывать не будут, даже бандитов. Насчет бандитов мне, в общем-то, понятно — возможно, получится кого-то опознать. А остальных зачем куда-то везти? Какая разница — могила у дороги в глухом лесу или могила, пусть и на кладбище, но тоже вдали от родных мест? Допустим, граф может позволить себе поиграть в благородство, и отправить тела в свое поместье — если погибшие были его земляками или у него для таких отдельное место на кладбище. А купцу это зачем? С родственниками убитых ссориться боится? Так вроде ж знали, на что подписывались, когда нанимались.

И тут я вспоминаю о пустоши и пустых могилах на краю бывшего поселения. Неужели и здесь то же самое?

Вот только вряд ли кто-то из едущих рядом сможет ответить на этот вопрос, не воззрившись на меня с нескрываемым подозрением. Наверное, даже аркайскому шпиону не придет в голову интересоваться такими вещами. Остается надеяться, что со временем я узнаю, что все это значит.

Ближайшее село ожидает нас в четырех тигах от места нападения — если верить биркам на столбах вдоль тракта. Именуется оно почему-то Тремя Соснами, хотя хвойных упомянутого вида здесь куда больше даже на мой не искушенный в ботанике взгляд. В Трех Соснах нет постоянного двора, однако тут мы задержались.

Поскольку Хонкир был ранен, а лекарь высказался в том смысле, что рана здоровью не угрожает, но ему лучше не напрягаться несколько дней, то его обязанности перешли ко мне. Не сахар, но всяко лучше, чем с трупами возиться. Повозки с их скорбным грузом вернулись довольно быстро, но об этом я узнал лишь по возобновившемуся шуму за окнами дома брата местного старосты, где разместили барона. Графа принял сам староста. Маркизу «приютил» местный священник, живший по соседству со старостой.

Староста, к слову, опознал нескольких бандитов из числа убитых. Хотя как опознал — ни один не был местным, просто в селе появлялись время от времени, представляясь охотниками, квартирующими на лесных хуторах неподалеку. Так это или нет, староста не знал — за хутора он не отвечал, а тут гости не озоровали, потому и нужды не было проверять, что они за люди. Графу явно хотелось послать на хутора людей, но рисковать оставшимися бойцами он опасался. Во всяком случае, так он сказал барону, когда пришел его проводить после того, как разобрался с мертвецами. Своих погибших бойцов, а также раненых Урмарен отправил обратно в свое поместье. Вместе с ними — ибо по дороге — отправились повозки с погибшими и ранеными из торгового каравана. Телеги и возниц наняли в Трех Соснах. И местные были рады заработать, да и нам так проще. Купцы наняли еще и людей взамен выбывших — товар ведь надо довести. И тут же решили продолжить путь, не дожидаясь нас. Наш хозяин, который брат старосты, объяснил это просто. Мол, торговцы рассчитывают добраться до темноты до следующего на пути постоянного двора, а скорость у груженных фур невелика, лучше выехать пораньше. И так ведь время потеряли. Потому и спешат.

Смысл в его суждении имелся. К тому же, вряд ли на каждом перегоне между деревнями будет караулить банда, а значит, пока нет нужды в хорошо вооруженных попутчиках.

Пленных грузят на телегу и в сопровождении двух графских бойцов верхами да двух предоставленных старостой впридачу к телеге добровольцев отправляют в Норос, в распоряжение прокуратора Сентеры. Похоже, граф потерял к ним интерес. Киртан, глядя телеге вслед, замечает, что если конвоиры поторопятся, то догонят торговый караван. До Нороса они добе-

рутся хорошо если послезавтра к ночи. Местные вернутся обратно, а люди графа присоединятся к нам в Мелате — они прибудут туда другой дорогой.

Мы же остаемся в селе на ночь. То-то будет шороху у местных, которые обычно лишь смотрят вслед проносящимся всадникам и повозкам.

Я предполагал, что вечер закончится просто. Рана барона не была серьезной и особых неудобств не доставляла — особенно если не шевелиться. Поэтому, раз уж решено было остановиться в Трех Соснах, спорить с лекарем и возражать против «постельного режима» барон не стал. Уж не знаю, успел бы он меня загонять — раз уж Хонкир соблюдал тот же режим в соседней комнате — но вскоре пришла маркиза, и Фогерен одним движением глаз выпроводил меня за дверь. Киртан, успевший привести в порядок и свою амуницию, и напарника, и даже мою, дремал. Пусть. Ему ночью не спать. Я же бодрствую у двери — все равно третьего топчана в комнате нет, если уж на то пошло.

Дверь закрыта плотно, но все же слышно, что эти двое о чем-то разговаривают. Жаль, не разобрать, о чем. Но то, что это не воркование влюбленных, сомневаться не приходится. Пытаясь отвлечься, подхожу к окну. Надо же. Фонари зажигают. В Серых Мхах я фонарей не видел вовсе, даже на постоялом дворе. Тут, что же, ночью выходить не боятся?

Впрочем, еще далеко не ночь. Вон, на половине, где укрылось семейство хозяина дома, еще слышны какие-то приглушенные звуки. Вдруг явственно лязгает засов на входной двери. Кто-то пришел. Слышен голос хозяина. Еще какие-то голоса. Замечаю, как шевельнулась под одеялом рука Хонкира — я-то знаю, что там у него револьвер — и открыл глаза вроде бы дремавший Киртан.

Открывается дверь, и на пороге возникает граф Урмарен.

— Барон у себя?

— Да, ваша светлость, но у него дама, — отвечаю я, явственно ощущая, как напряжены мои сослуживцы на своих топчанах.

— Ничего страшного, — одними краешками губ улыбается Урмарен, — я, собственно, хотел поговорить с вами, Таннер.

— О чем, ваша светлость? — на моем лице, должно быть, возникает совсем уж неопишемое изумление, ибо улыбка графа принимает менее зловещий вид.

— Мы можем продолжить не здесь? На улице, например?

— Можете, ваша светлость, я здесь и я не сплю. Я его заменяю, если что, — внезапно подает голос Киртан. Я не уверен, не нарушил ли он этим каких-либо неизвестных мне правил, но граф реагирует вполне благосклонно.

— А, Киртан... Очень хорошо. Пойдемте, Таннер, я не отниму у вас много времени. Вашему другу надо выспаться, даже если ночью ничего не случится. Кто знает, что будет завтра днем? Так что я вас не задержу.

Мы устраиваемся в беседке позади дома, в окне за занавеской мелькает напряженное лицо хозяина, рядом с беседкой застывает спиной к нам давешний обладатель замечательной лысины.

— Итак, ваша светлость, чем я могу вам помочь?

— Скажите, Таннер, какие у вас планы на будущее? Иначе говоря, чем намерены заняться, когда доберетесь до Мелаты? Дело в том, что барон Фогерен сообщил мне, что он нанял вас на время пути до города, а продолжите ли вы службу у него, после того, как вы туда доберетесь, еще неизвестно. Ведь так?

— Совершенно верно, ваша светлость, — отрицать очевидное я не собирался. И хотя за эти несколько дней проникся к барону изрядной симпатией, но уверенности в том, что останусь у него на службе, все еще не испытывал.

— Так вот, Таннер. Я был очень впечатлен тем, что увидел сегодня. Когда Барен сказал мне, что вы смогли в одиночку пройти по Змеиному тракту, я, признаюсь, не поверил. Теперь верю. Хотя и думаю, что не только в удивительном везении дело. И если вы все же надумаете сменить место службы... Надеюсь вы поняли, что я имею в виду?

— Да, ваша светлость, я понял, — что уж тут непонятного. Хреново твое дело, Таннер. Засветился ты. А господин граф человек не глупый, хоть и не приятный, что ему стоит задать вопрос, на который ты не сможешь ответить... отрицательно. Так что, возможно, в Мелате придется сменить нанимателя — просто чтобы не оказаться в общеимперском розыске. За что? А разве сложно придумать — за что? Если граф Урмарен имеет какое-то отношение к Серой Страже, то и придумывать не надо ничего, достаточно иметь данные для розыска. Имя, описание внешности, еще лучше — портрет... Впрочем, словесное описание сыскарям мало чего даст — внешность у меня сама по себе не слишком запоминающаяся. А вот если кто-то сумеет добавить в него странности поведения, тогда спрятаться будет сложнее. Впрочем, чего паниковать раньше времени?

— Мы еще поговорим, я думаю, — усмехается Урмарен, — а пока — не смею задерживать. Ладер! — бросил он. Лысый обернулся, кивнул и отступил на шаг, пропуская Урмарена вперед, затем двинулся за ним. О, теперь я знаю как его зовут.

Граф и Ладер ушли, благо, хоромы старосты находились через улицу, я вернулся в дом.

— Что-то вы быстро, — прищуривается Киртан. — Чего граф хотел?

— А чего он мог хотеть, — хмыкаю я, — барон же ему сказал, что я подписался пока только до Мелаты, хотел к себе переманить. Потом, если я при бароне не останусь.

— А, тогда понятно, — кивает Киртан, — это неудивительно. После того, что ты там сегодня у дороги творил. Просто загляденье. Жаль, полюбоваться как следует не дали. Так что я графа понимаю. И барона, если он не захочет тебя отпускать, тоже пойму. Ладно, — он зевает, — я дреману еще. Разбудишь меня... в два часа пополуночи. Не заснешь?

— Не засну, спи.

Он отворачивается к стене. За окном сумерки становятся все гуще. За дверью раздается шуршание. Дверь приоткрывается, маркиза, завернутая в плащ с поднятым капюшоном, буквально проскальзывает мимо меня. И взгляд ее, кажется, тоже по мне скользнул.

— Таннер? — взлохмаченная голова Фогерена высовывается в дверной проем. — Зайдите. Киртан, не вставай. Просто слушай воздух.

— Да, господин барон, — в один голос отвечаем мы.

Вхожу и закрываю за собой дверь.

— Садитесь, — говорит Фогерен, указывая мне на стул у кровати, — поговорим.

— О чем, господин барон? Если о том, чтобы наградить меня за то, что я спас вашу жизнь, то это лишнее. Я просто выполнял свои обязанности. Кроме того, я спасал и собственную жизнь. Так что если вы просто выразите свою благодарность словами и добавите несколько монет к уже обещанным, я буду совершенно удовлетворен.

— Об этом не беспокойтесь, — усмехается Фогерен, с облегчением откидываясь на подушку. Похоже, рана более серьезна, чем это выглядело поначалу.

— Как ваша рука?

— Не страшно, — отмахивается он, слегка морщась. — Главное, что голова цела и лишних дырок не появилось. Однако я действительно должен поблагодарить вас за то, что могу с вами сейчас разговаривать... Спасибо.

Он пожимает мне руку. С совершенно искренней благодарностью во взгляде. А рукопожатие у него и сейчас крепкое. Словно клещами сжимает.

— О деньгах я не забуду, просто я не имею привычки таскать с собой все свое золото. А пока конь, оружие и прочее снаряжение — ваши. Уже сейчас, хотя мы договаривались, что по

прибытии в Мелату. И как вы смотрите на то, чтобы остаться у меня на службе? Вы не будете против составить мне компанию до Тероны? На дальше не загадываю, ибо то и мне неведомо.

— Даже не знаю, что вам ответить, господин барон, — я напускаю на себя слегка загадочный вид, — дело в том, что мне уже сделали схожее предложение...

— Кто? — Фогерен в изумлении приподнимается.

— Граф Урмарен.

— О...

— Он приходил, когда здесь была госпожа маркиза. Видимо, он не захотел вам мешать. Тем более, что его больше интересовали мои планы на будущее. То есть он хотел предложить мне работу, если по прибытии в Мелату я не буду связан договором с вами.

— И что вы ответили?

— Я обещал подумать.

— Это был правильный ответ, — говорит он, опускаясь на подушку, — граф Урмарен не любит, когда ему отказывают. Для отказа нужно иметь весьма веские основания.

Внезапно я задаю вопрос, который, как мне казалось всего мгновение назад, совершенно не следует озвучивать, с учетом хотя бы непродолжительности нашего знакомства:

— Скажите, господин барон... Граф Урмарен имеет какое-то отношение к Серой Страже?

Немая сцена. Барон смотрит на меня, явно старательно подбирая слова, чтобы не сказать лишнего. Наконец, совершенно перестав улыбаться, говорит:

— Знаете, Таннер, вам все же не стоит переоценивать свою везучесть. Впрочем, полагаю, вы не задали бы подобный вопрос первому встречному?

— Нет, господин барон. Но вы — не первый встречный. Впрочем, я готов забыть о том, что я вас об этом спросил. Если так будет лучше.

— Лучше было бы, если бы этот вопрос вовсе не прозвучал. Но... Вы уже спросили, — Фогерен замолкает на добрую минуту, затем говорит:

— Скажите, Таннер... Есть ли у вас какая-нибудь тайна, ради сохранения которой вы могли бы убить кого-нибудь... да того же графа?

— Простите?

— Но вы же сами заговорили об этом? — брови Фогерена недоуменно взлетают вверх.

— Об убийстве?

— Нет, но... Но тогда почему вы заговорили о Серой Страже?

— Господин барон, я имел в виду то, что мой дом далеко, у меня нет других документов, кроме выписанных вами, рядом нет друзей, способных за меня поручиться, даже просто знакомых, знающих меня дольше месяца, у меня нет достаточной суммы денег, чтобы откупиться в случае чего. Меня легко выставить уголовным преступником или иностранным шпионом. Поэтому я очень внимательно отношусь к тому, кто и как смотрит на меня, не говоря уже о том, каким тоном этот кто-то разговаривает со мной и какие вопросы при этом задает. Некоторые слова графа, его тон, его действия за время нашего совместного путешествия позволили мне сделать подобное предположение. Нет, я не служил в Серой Страже, равно как не был ею арестован, и даже не привлекался как свидетель по какому-либо делу. И не знаю лично ни одного человека, к которому мог бы приложить одно из этих определений. У меня была довольно спокойная жизнь... в прошлом. Так что я могу ошибаться. Кроме того, если бы я был уверен, я бы не спрашивал.

— Понимаю, — задумчиво изрекает Фогерен, — но лучше вам ни с кем об этом больше не говорить. Именно в силу того, что вы только что сказали.

— Не собираюсь, господин барон.

— Дело не только в моей благодарности за спасение моей жизни. И не только в том, что вы мне нравитесь. Просто я знаю, что такое Серая Стража и что такое иметь с ней дело. И,

честно говоря, предпочел бы не знать. Так что если вы действительно не знаете, я вам немного даже завидую. И... мы еще поговорим об этом. Но не сейчас. И не здесь.

— Я могу идти?

— Идите, Таннер.

Барон опускает голову на подушку и подтягивает одеяло к подбородку, я закрываю за собой дверь. Ну что ж, теперь проблемы с тем, как не заснуть раньше времени, у меня точно не будет.

Утром наш сильно уменьшившийся конвой покидает Три Сосны. Хорошо хоть барон Фогерен уже не выглядит раненым — повязка на руке скрыта одеждой. Впрочем, графский лекарь выразил надежду, что барону не придется рисковать жизнью в ближайшие три дня. Хонкир выглядит не столь блестяще — его раненая рука висит на перевязи, да и на коня он взобрался с моей помощью. Зато Киртан выглядит свежим и отдохнувшим — я разбудил его лишь за час до рассвета, а дополнительные — но вовсе не лишние — три часа сна и на таком бойце отражаются исключительно благотворно.

К полудню граф Урмарен рассчитывает оказаться в Рекане — небольшом городке, не усохшем до сих пор до села исключительно благодаря статусу административного центра здешнего сегета, к которому, как оказалось, относятся и Три Сосны, и злополучные хутора, и малосимпатичные Серые Мхи, и постоянный двор Медведя, и еще несколько сел за ним. Особой роли местная власть, впрочем, не играет. Ее основная задача — принимать на себя первый удар жалобщиков, чтобы они не мчались с любой мелочью сразу в приемную сегератора. Мелатский сегерат — территория обширная, несложно представить, сколько поборников справедливости могут собраться в той приемной, если у них не будет промежуточной остановки. Во всяком случае, так я себе это представлял, и примерно так это мне описал Хонкир, пока мы снова углублялись в лесные дебри.

Не проходит и часа, как мы втягиваемся в очередное поселение. Небольшое, вдвое меньше Трех Сосен, но все же с храмом в центре. Само село гордо именуется Черными Шишками. У храма тракт, служащий заодно главной улицей Черных Шишек, пересекается с другой улицей — хорошо укатанной дорогой, судя по всему, соединяющей с трактом несколько лесных деревень и хуторов. По крайней мере, на это намекал стоящий на перекрестке указатель с названиями. Но здесь мы не останавливаемся, лишь ненадолго придерживаем коней, и Черные Шишки очень скоро скрываются за деревьями.

В течение следующего часа позади остаются еще две деревеньки — тоже Шишки, но уже Малые и Новые. Совсем небольшие — не больше десятка дворов каждая. Зато от каждой в лес уходила дорога к хуторам. Надо же, и указатели не поленились поставить. Правда, их давно никто не подновлял, но все же... Если бы еще фантазию проявили, когда деревни называли...

Лес слегка расступается, тракт вползает на холм, а когда мы оказываемся на его вершине, то нам открывается вид на перекресток, за которым возвышается постоянный двор. Явно крупнее Хальдовых владений, но здесь и гостей случается больше. Если бы мы не столкнулись с бандитами и не остались ночевать в Трех Соснах, то выехали бы к этому перекрестку еще вчера, хоть и в сумерках. Но хорошо, что вообще добрались. Впрочем, здесь на нас вряд ли нападут. У нас на глазах в ворота въезжают несколько повозок в сопровождении явно вооруженных всадников.

— Эти в Норос едут, — негромко говорит Хонкир, увидев, что я провожаю взглядом другой караван, катящийся прочь от постоянного двора по дороге, уходящей на юго-запад. — Дня через три доберутся, вряд ли раньше.

Я молча киваю. Грузенные под завязку фуры резвостью не отличаются. Хорошо хоть шустрее пешехода движутся. Не сбавляя темпа, наш конвой проезжает мимо «Лисьей норы»

— так читается вывеска над воротами придорожного заведения. До Рекана отсюда всего семь тиг, вряд ли указатель врет, и нам нет никакого резона делать еще одну остановку.

Вот интересно, как далеко простирается боязнь ночных странствий?

Все же не очень хорошо, что графский отряд так сильно уменьшился, причем в основном за счет полноценных бойцов — из тех двенадцати, которые прибыли с графом к Барену, пятеро погибли в стычке с бандитами, а двое надолго выбыли из строя. Еще один сейчас сопровождал пленных. Осталось четверо, из которых двое имеют ранения, пусть и легкие. Вспомогательная часть графского отряда пострадала меньше, она лишь уполовинилась — один убит, один тяжело ранен и еще один отправился в Норос в качестве второго сопровождающего при пленных. Надо думать, это был графский законник. С Урмареном остались лекарь, уже известный мне Ладер и тип, ни разу не откинувший капюшон своего балахона в моем присутствии. Негусто, даже если тип в балахоне вдруг окажется боевым магом.

Тем не менее, нас тут полтора десятка человек, из которых совершенно не опасна только юная служанка маркизы, никак не запомню ее имя. Впрочем, возможно, у девушки просто не получилось себя достойно проявить — в такой-то толпе конкурентов.

Перекресток исчез из виду, деревня в четверти тиги от него — тоже. Я так и не узнал, как она называлась — на скаку спрашивать неудобно, а щита с названием ни на въезде, ни на выезде не оказалось. Так и скрылась за деревьями и кустами безымянной.

Лес расступается, открывая огромную пустошь. Слева — приличных размеров круглое озеро, справа — заболоченный луг. На дальнем краю пустоши видны три повозки с тентами, неспешно катящиеся нам навстречу. С виду — караван небогатого торговца, который не смог или не захотел нанять конную охрану.

Ничего из ряда вон выходящего. Разные люди, разные цели, разные возможности. Кто как умеет, так и ездит. Все-таки как-то очень уж резво коняшки бегут. И повозки явно не перегружены, однако и не пусты, и зачем-то держатся четкого интервала... как кавалерия перед атакой. Если под каждым тентом спрятать по четыре-пять человек, да сунуть каждому в руки по два пистолета, да если они откроют огонь, когда мы с ними поравняемся... Им даже целиться не придется. До них еще далеко, лиц не различить, и что в руках у них — тоже.

Но будильник внутри черепной коробки уже заработал. Жаль, что это не паранойя. Я поворачиваюсь к барону и рисую в воздухе знак, означающий «перед нами противник, готовый к нападению». Глаза Фогерена на мгновение становятся круглыми от изумления, у графа, который тоже видит мой жест, едва не вываливается челюсть, но раздумывают они лишь долю секунды.

Над конвоем проносится громкий клич. Шпоры, ржанье коней, щелканье затворов и недружный, но густой залп почти с предельной дистанции прицельного револьверного выстрела. Из руки Ладера вылетает что-то похожее на круглый камень и, скользя по тенту, падает за головной повозкой. А Ладер запускает еще один «камень».

Треск выстрелов разрывают один за другим два взрыва. Раненые лошади валятся на дорогу, возницы роняют вожжи, скатываясь с облучков с дырками в груди или голове, тенты повозок превращаются в клочья. Крики... И редкие выстрелы в ответ! Но мы открыли огонь первыми, и шансов у «торговцев» нет.

Спасая свои жизни, мы... Немного перестарались. Допрашивать, в сущности, некого. То есть, пленные есть. Но, по иронии судьбы, уцелели не те из не успевших напасть, кто что-то знал. Дюжина трупов, трое умирающих. Три повозки, но лошади, запряженные в две из них, погибли или покалечены, повозки тоже повреждены. То есть использовать получится лишь одну телегу. Впрочем, для перевозки тел хватит. Куча оружия. Что интересно — довольно нового, причем армейских образцов. По крайней мере, об этом говорит барону граф, а я всего лишь успеваю услышать.

Во что я все-таки вляпался?

В поле зрения попадает уже намозоливший мне глаза тип в неснимаемом капюшоне. В стычке он никак не участвовал. Даже пистолетов у него в руках я не видел. Я полагал, что он — личный маг графа. Но тогда почему он вел себя так, словно даже не понял, что происходит? Допустим, боевая магия — не его специализация. Но и лекарю он тоже не помогал ни разу. А если он вовсе не маг — зачем граф таскает его с собой? В чем его ценность? Вряд ли Урмарен взял бы с собой бесполезного попутчика...

Мертвецов грузят на уцелевшую телегу. Их повезут в Рекан. Киртан говорит, что, скорее всего, закопают на тамошнем тюремном кладбище в общей безымянной могиле. Вряд ли у этих покойников отыщутся родственники.

Пока мы наводим порядок, возвращается Ладер, посланный графом в деревню. Он не один — с ним местные мужики во главе со старостой — или кем там является бородатый мужик в кожаном жилете поверх рубахи, который ими руководит. Судя по всему, они заберут пострадавших лошадей — или подлечат, или пустят на мясо — и поврежденные повозки, которые либо отремонтируют, либо разберут. И ничто не будет напоминать о недавнем побоище. Мужикам, конечно, показывают покойников, но они никого не узнают. Как и ожидалось, впрочем.

Мы же двигаемся дальше. Позади тащится телега с мертвецами — теперь уже только мертвецами, все старания лекаря не помогли тем троим задержаться на этом свете. Дамам негоже находиться вблизи покойников, да еще при жизни пытавшихся нас убить, и барон распорядился, чтобы мы с Хонкиром заняли место в строю перед телегой. Перед нами едут Ладер и тип в капюшоне.

Занятно. Два момента, на которые я не обратил внимания в горячке боя. Первый — гранаты, которые использовал Ладер. Интересные штуковины. Явно не самоделки — такими обычно пользуются куда аккуратнее, чтобы в руке не рванула — а серийные образцы, причем созданные с учетом реального и массового боевого применения. То есть удобные, эффективные и надежные. И опять уже знакомый диссонанс. С одной стороны, я не знал о том, что такие гранаты в Аларии существуют и применяются, причем широко. С другой — я сразу понял, что бросал Ладер. Та же ерунда, что с винтовками и револьверами. Второй момент — зачем тип в капюшоне подходил к бандитам, едва те умирали, и прикладывал ладонь ко лбу еще теплого покойника. А потом, когда скончался последний, что-то нашептал на ухо графу. Некромант, что ли?

Час от часу не легче.

Мы снова въезжаем в лес, который, впрочем, всего через тигу опять расступается. Деревня с названием Кривинар — тут щит на месте, гадать не надо — расположена довольно необычно для деревни в одну улицу — не вдоль тракта, а поперек. Видно, что из обоих концов деревни к лесу уходит укатанная колея, но никаких указателей на тракте нет. Значит ли это, что здесь нет лесных хуторов, а колея идет на вырубку или еще куда?

Вопрос остается без ответа. Улица почти пуста, а немногие увиденные нами жители удаляются конвой лишь мимолетными взглядами. И правильно. Какое им до нас дело? Никакого. Все время кто-то проезжает мимо, это вам не глушь какая, до города рукой подать.

Рукой не рукой, а еще два ничем не примечательных селения попадают на пути, прежде чем перед нами возникает застава на въезде в Рекан. А город-то не прост. Не знаю, как с других направлений, но с нашего въезд только один — через заставу, причем последнюю четверть тиги надо проделать по насыпи — достаточно высокой и узкой, чтобы превратиться при необходимости в ловушку. Вместо вполне ожидаемой реки — явно рукотворный ров, при такой ширине переправа через него в обход заставы станет проблемой даже не под огнем. Вдоль рва идет стена в три человеческих роста высотой, а ширина стены, как видно, позволяет двум

дозорным без труда разойтись. Плюс выставленные более равномерно будки, предназначенные для укрытия от палящего солнца или непогоды, вдобавок обшитые какими-то щитами. Не от пуль, так от стрел защитят наверняка.

У наших вожakov с бумагами все в порядке, да и знают их здесь, явно. Мы въезжаем в город, внутри периметра больше похожий на бывший военный городок или так и не завершенную крепость. Четкая сетка улиц, большая площадь в центре, похожая на строевой плац. Ничем не занятое пространство вдоль городской стены. Скорее всего, в праздники или просто ответственные для ярмарок дни здесь собирается множество народу, но сегодня явно не такой день. Ближе к центру города людей становится больше. Дома здесь тоже с секретом — на уровне первого этажа полноценных окон нет, разве что узкие окошки, больше похожие на амбразуры. Даже здания с вывесками магазинов не нарушают этого правила. Улицы широкие — на той, по которой мы движемся, не то что две, три фуры давешних торговцев разъехали бы тут без труда. Зелень почему-то исключительно во дворах — перед зданиями ни одного дерева. Как они тут с пылью борются? Магией, что ли?

На нас, естественно, оглядываются. Пусть даже телега с покойниками прямо от заставы уехала куда-то в сторону, нас все равно слишком много, чтобы сойти за случайных прохожих. Ну и ладно, вроде ж ничего не нарушаем.

Проезжаем мимо здания Городского собрания и через квартал сворачиваем направо, и еще через квартал — налево. Я предполагал, что это будет гостиница — вряд ли у кого-то из наших аристократов есть собственный дом в таком заштатном городе, но я ошибся. Голова конвоя ныряет в высокую арку в фасаде трехэтажного здания, следом въезжаем и мы все, и тут же за спиной с едва слышным скрипом захлопываются глухие железные ворота. Да, в этот двор с улицы не заглянешь.

Спешиваемся. Услужливые граждане в одинаковой серой униформе принимают коней. Оглядываюсь. Квадратный глухой двор. На уровне второго этажа — галерея. Очень удобная для того, чтобы держать на прицеле непрошенных гостей. Пожилой мужчина с невыразительным лицом, отвесив поклон графу, ведет нас через парадный вход, находящийся напротив арки. Мы сразу поднимаемся на третий этаж. Судя по всему, нас — или, по крайней мере, графа, барона и маркизу — ждали. Аристократов размещают в приготовленных для них апартаментах. Нас же ждут комнаты поскромнее. Мне с Киртаном и Хонкиром досталась одна комната на троих, выходящая единственным окном во двор. Как разместили остальных — остается лишь догадываться, ибо мы заселяемся первыми. Но можно предположить, что следом за нами две комнаты достались свите маркизы, а комнаты по другую сторону коридора — людям графа. Во всяком случае, в комнате напротив точно остановился Ладер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.